

Красота родной земли

НА САМЫХ ДАЛЬНИХ  
НАШИХ ОСТРОВАХ

№ 21 НОЯБРЬ 1971

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

**СМЕНА**



## КОММУНИСТ

Евгений ДОБРОВОЛЬСКИЙ



елисата— имя длинное и редкое. Но завод ее называют Фанкой, так коротко, она привыкла, но это неверно. Она Фелисата. Отца звали Василием Ивановичем, маму—Фоккой Петровной.

Недалеко от города Нижнего Тагила в сосновых лесах, красивой долиной не бывает, среди синих гор лежит их деревня Шайтанка.

Откуда у деревни такое дикое название, теперь трудно установить, надо поискать в книгах, потому что Шайтанка знаменита на весь Урал с дедовских времен. Жили там люди самостоятельные— Шаруновы, Петриновы, Ромашины—искали в тайге золото. Называли их золотокотельями.

Ночи на Урале темные, зимой догдо не рассветает, лежишь, с головой накрывшись одеялом, слушаешь, как трещат на морозе сосны и ветер гудит над крышей. Встать, посмотреть в окно страшно, только подумавшись— мурашки по спине.

Мама кричит:  
— Фелисата! Или не слышишь? Вставай, Фелисата!

Мама была строгая, маме нужно слушать, а все равно страшно. В окне месяц и звезды, и еще будто смотрит откуда на тебя зверюга дикий, пришел из леса, проваливаясь в сугробы, передние лапы поставил на завалинку, смотрит в окно. Снег падает ему на морду, он не замечает, косматый, только шмыгает носом, ждет.

— Вставай, Фелисата!  
Надо подниматься, доставать с печки валенки, по-уральски—пимы, за ночь они подсохнут, теплые. Накнуила тулупчик, завернулась в мамин плащик и бегом за дверями, за водой—на мороз, в черную ночь. Хочешь не хочешь—станешь хворой.

Детей было четверо. Работы по дому—на весь день, как что не так, мама сердилась: ей тебя в нынче отдам, там выучишься.

Мама часто так грозила, не думала, что в самом деле придется доченьке идти в чужую семью.

Отцы умер, жизнь началась тяжелая, и песни напелись широтские.

Тяжело, родимый патеняшка.  
В скверной земке лежать.  
Без тебя, родимый патеняшка.  
Не оудат паряшка.

Приехали в Шайтанку далеко родственники, седьмая вода,—дядюшка Устин с тетусхой Гошей, забрали Фелисату к себе, увезли в город Ташу на Гольянку. Было это в начале двадцатых годов.

Дядюшка Устин своих детей не имел. Работал он старшим лесобездчиком, а тета Тоша вела дом, любила по вечерам посидеть с соседями на лавочке у водонапорной башни, песню прозлую распела, любила пироги с земляничным вареньем и крепкий чай из тяжелого, медного самовара.

Чужая семья не своя, провожала Фелисату в город, как в рекруты. Но только тета Тоша призвалась к ней, как к родной, рассказывала сказки и жалея, а дядя Устин привозил из леса гостиные—так бедно говорили, сплетя песню прозлую распела, любила пироги с земляничным вареньем и крепкий чай из тяжелого, медного самовара.

Подомло время подыскивать работу, а доме сидеть—все жизнь за окном пройдет. Вспомнил у дяди Устина знакомство в кооперативной столовой—и повел ее на смотрины. Одевай все новое, приносили.

Дядя Устин достал из сумки шляпку, пиджик, на тету Тошу не смотрел, та плакала, глаза красивые. Перед зеркалом поправила усы, бороду, сказала: «Идем, Фелисата, самая для тебя женская».

с черным телефоном и говорил трубным голосом: «Что разобьешь... из получишь вытечь!»

Ее мечта осуществилась не вдруг и не сразу. Из столовой вомской кухни перешла на курсы кройщиков. Это было доверием и повышением. После курсов она именовалась солидно: инструктор по кройководству. Ей завидовали. Но как только представилась случай, она устроилась на завод. Прочла У. Яковлева, обаяние: требуются ученики—и решила бесспорно начать жизнь заново.

Ее завод старинный, один из первых на Урале, уже Иосиф Петра Вильям считал крупнейшим чугуноплавильным и железодельным предприятием, а его четыре завода—лучшим в Европе. Тагильское железо было «добрым и мягким», его сравнивали с собольим мехом, ставили на него клеймо с изображением собаки.

Обозами, на санях и на телегах, укрытое розгами, шло тагильское железо в далекие края, за российские рубежи, под названием «Старый соболь». Считалось оно лучше знаменитого «сейского», то есть шведского. Конкуренцию по качеству не было, правда, дефицита с бесконечной гонимся в заводскую контору: «У англичан железо мерзкое, но они, наш способ делать оно дешевле, всюду делают нам подраза»,—значит, уже тогда на Урале понимали, что сила и мощь стра-

# ФАБРИКА

работы. Всегда сыта хлебом и людей увидишь. Стула и желтый корман часы, а чепочку распрямил на груди, чтобы вышло.

Часы были старые, время не показывали, но когда открывали крышку, играли тихую музыку «Трансваль-Трансваль».

Ирландский кооперативной столовой, солидным, лысым человеком в белой гимнастерке с широкими ремнем, сидел за столом, перед ним черничные-непроривашка и телефон с деревянной ручкой.

От волнения она ничего не видела и не слышала, разговор до нее доходил, как по проводам, с опозданием.

— Она у нас к труду приучена. Это есть,—говорил дядя Устин.

— Нам такте нужны,—подтверждал управляющий.

— Ну вот, Фелисата, у тебя предупредимо при товарище начальнике, чтобы все с твоей стороны по совести.

Дядя Устин достал часы, вроде как поинтересовался, сколько времени, и прибавил строго: «На все дело тебе тридцать».

Ошаршился дядя Устин. Всегда все до корня и наскозь видел, а тут не угадал.

Взял Фелисату судомойкой с испытательным сроком и еще предупредил: что разобьешь—из получишь вытечь. На работу тогда трудно было устроиться, сейчас никто из молодых не поверит, что в стране была безработица.

В столовой она работала хорошо, старелась, ее жалели, помощник фотозащитки не доску плечата, но только скоро она поняла, что уйдет из столовой...

По вечерам над заводом на полнеба пылающе зарево, из высинок труб валит рыжий дым, ветер гнал на город тепло, шум и запахи, которые для себя она определила, как же жизнь. На заводе делала железо—весь день—из получишь вытечь. В обеды перерыв и после смены заходили к ней в столовую заводские, Фелисата всегда их узнавала. Сначала по замасленным спецовкам, по темным рукам, а потом присмотрелась и поняла, что все они и в другом положении—веселые, шумные, никого не боятся, говорят непонятные слова: кокс, шлам, дуллек-процесс, обер-мастер...

Ей снился завод: она уже там, тоже заводская. Снился обер-мастер, он сидел за столом

ны определяются не пенкой, не медом, не белоборбией в монастырских прудах.

Самая главная работа подчинялась скротному делу за завод. В дыму, в сплотах пламени, в грохоте, скрежете, в сплетении труб и гулких эстакад, главную работу делали горючие. Они плавляли чугуны, а все вокруг крутилось, двигалось, гремело, поднималось их море.

Она узнала, что домы сложные, капризные, требуют силы. Не каждый мужик может варить чугун. Но ей нестерпимо загорелась стать у этого самого главного дела, разобраться во всем и преодолеть.

В марта 1940 года на заводском собрании по поводу Международного женского дня, рассказывая о своей стахановской работе, она прочла с трибуны заявила, что готовится перейти в женские цеха, в горючие.

В зале сначала сделалась тишина, потом пошел смех, только что по полу не катался. Председатель: «Тише, товарищи! Тише!»—а сам улыбается, закусывая губу. Доменичкин заявил, что такого не было и быть не может. А она: «Нет таких крепостей».

Ее все-таки поддержали: партия обратилась тогда к женщинам с призывом осваивать мужские специальности. Все чувствовали, что страна стоит накануне войны, мужчины уйдут на фронт, кто-то должен будет заманить их на производство. Но чтобы женщина работала в домном цехе, такого не было.

Решили: пусть попробует, если же ничего не выйдет, вернется к ристочком. «Иди тебе второй поставил, рад одного маму. Будешь многостаночницей». Но она не вернулась.

Труд на домне требовал большой физической силы. Лом, лопата и тяжелая кувадала, именующая



«Балдаги» были основными инструментами горновиков и их подручных.

Ей объяснили, как устроена дозна, старались попросить, все-таки женщина, а женщины в технике, как принято считать, разбираются с трудом, они всякая затаенная. Она поняла, что самое главное — это горн, туда, как в стаканы, стекает готовый чугун, а шланг — он легче, он всплывает. Когда горновой по приборам и по своему опыту решает, что чугуны готовы и пора вынуть его, он держит знак рукой. Подручные, ребята ловкие и решительные, выбивают глиняную пробку, называемую леткой, и чугуны сначала зыбкой, робким ручьем, а потом рекой, слета и обжиг, несется по различной канаве в ковши.

Первое время она присматривалась, помогала убирать после выгрузки канаву, заделывать воронки, запасы песка и глины. Много дней после смены она еле добиралась до дома, все никак-то не спит, бодает и вправду чугунная. Но в новой работе она сделала одно открытие. Не в первый день и не во второй, конечно.

Ее «открытие» открытием не называешь, это она так для себя назвала: наблюдала за опытными доменщицами, как они работают, и поняла, что в их работе, как и в каждой другой, сил нужно расходовать экономно. Другой, как цепляется в

спать, как в черной колодези. Кажется, за всю работу, с сорок первого по сорок пятый, до победного салюта, она не видела ни одного сна. И спала не на кровати. Кровать мягкая и теплая, простыни, подушки. Она болялась кровати: ложиться и простыни снимать.

Ложилась на пол. На полу жестко, неудобно, много не разоспаться. У самой головы ставила будничные, много глаза зыркала, а он уже, злые-дьяволы, надвигаются.

Ей было тазенной другой, но она не жаловалась, сама себе работу выбрала. Да и время военное — кому легко?

Панья ей хватало. Доменщицам, как солдатам, давали на день по восемьюстам граммов хлеба. Она половину своего отдавала. Это не просто — на, берн. Просто так хлеба никто бы не взял, он стоил дороже.

Она приносила хлеб из дома и старалась незаметно сунуть — кому в карман сплочив, кому пальто. Ей казалось, никто не догадается, откуда это. Но однажды сплочивала, невольно получилось. Работал у них мастер, мужичина, грендерского роста, силен, физкультурник, и в войну совсем доходил, только глаза горят.

Однажды в ночную смену она пришла к нему в контуру, незаметно положила хляпушку, а сама в сторону.

И колесный чугуны варил, этот покапризней, надо чтобы все вышло по рецепту: составов не больше процента, не меньше процента, надо строго следить за печью, как воздух идет, как температура. Научилась, слава богу! А с бровями сложилась.

Когда подошло время вынуть и по канаве хлынул новый чугуны, она, по женской силе природы, разревелась и не могла остановиться. Ее поддрвалили, целовали в соленые щечки, пробовали ковать, и она была счастлива. Ей еще некогда до этого не приходилось варить такого красивого чугуны. Он был густой, тяжелый, а когда остыл, трескался, и на изломах зелеными, синими, красными сверкали кристаллы. Это от марганца.

Паша потом ей рассказывала, что она от радости глядела дому, разговаривала как с женой, назвала ласковыми словами, не меньше процентов, меня у меня, и она была счастлива. «Доменщица, ты у меня у меня, голубушка моя, радужка... Паша слушал, смеялся: «Ой, Фанна, чудачка ты, честное слово! Ведь кому сказать — не поверят.

Как-то пришел к ним на завод писатель Павел Петрович Боровой, автор «Малаяковской шахтерки».

— Он пришел и нам, — вспоминает Фелиста Васильевна, — весь такой серьезный, борода седая. Я после смены, никого не ждала, стою в халате. Был у меня халатик из красного сатина,



квалуду, — не вырвешь, и пошел махать. На много ли хватит?

Говорят: сила есть — ума не надо. А если с умом! Ей с умом, то нужно искать в работе свой моток. Посуду мыть — один моток, чугуны варить — другой.

Она это тоже поняла, и на новой работе подручных горнового ее тоже начали хвалить, ставили доменщицу. Принаеся тебе, что вышываешь почета и представляли к премии. Приходили к ним в домный чех любоваться, удивлялись. Думали увидеть женщину крупную, с сильными руками, широкоплечую, богатыря в юбке. Бывает. А она невысокая, даже хрупкая, голос тонкий, но богатырь вовсе, только имя значительное — Фелиста Васильевна.

22 июня сорок первого года пробил ее час, сразу после того, как по радио объявили, что напала на нас гитлеровская Германия.

Фелисту Васильевну вызвал начальник цеха, посмотрел, как было горновое раз увидел, улыбнулся невольно, сказал: «Принимай, Фанна, полюбуйся старшей горновой».

Теперь, когда ее просят рассказать о войне, а ей часто приходится выступать, она всякий раз твердится, не знает, с чего начать.

— Ты не махает с пены, которая прихледишь ей с фронта и хранишь у нее до сих пор...

**УРАЛ. ФАИНА ШАРУНОВА.**  
Фанна Через два часа наша часть идет в бой. Мы выключив тебя в состав экипажа нашей самоходной установки. Принаеся тебе, что вышываешь тобой металл будешь устремлен только на цель, крутишь как «каждый».

**г. НИКНИНА ТАГИЛ. ШАРУНОВА Ф. В. (личное).**  
Фанна, пишут тебе морщин-североморы. Сегодня в «Ковшовской правде» вывели твой портрет, сообщают, что ты замечательных успехов. Гордишься тобой, первой в мире женщиной-горновой, и всякие замечательными советскими женщинами, что вместе с нами ищут победу над ненавистными врагами».

А может, рассказывая о войне, надо начинать с того, как в домном цехе терли сознание от дыма, от боли, от страха мужчины. Или с того, как поднималась на горну перед заводом. Горка пустакая, а взойти на нее не было сил, искала палку и, как старушка, карабкалась после двенадцатичасовой смены.

Дома, едва живая, кое-как топчила печь — и

Он увидел хлеб, потянулся, но отодвинул руку: нельзя, это злобый, будет каша. Встал и вышел. Через некоторое время вернулся, а хлеб лежит.

Они опять встретились глазами, и разговор у них пошел без слов. Она кивнула: берн, это тебе. Он понял, отломил кусочек, остальное спрятал, чтобы отвести домой, дома дети.

Может, тогда, в тот зинкий вечер — была мезель, и сообщением с фронта неразрешенные: немцы до Волге ругая — она поняла на всю жизнь, что хлеб и не столько командует человечеством.

Все верно, человек должен кушать, это ему определено природой. Хорошо, когда у него дома первое, второе, а на третье комлот или кисель. Но только пусть он, сытый, помнит, что есть еще совесть и обязанность. И долг перед тем, кого любишь.

Старшему горновому положено двое подручных, а в время войны людей, понятно, не хватало. Они работали вдвоем с Пашей Ворониным, тихим, застенчивым человеком. Паша никак не решался перейти из подручных в горновые, как то признался: «У меня, Фанна, твоей решительности нет. Ты на вынужде верткая. А я как подумаю, что самому ее решать, — сердце стывает. Тебе двайся бы командовать!»

Что ответить? Можно промолчать, только так тухе, и она шутила: «Мы шаптанские, мы все такие». И старалась с Пашей поладовать, чтобы ему не обидно.

На заводе налаживали выплавку чугуны для броневой стали. Чугун этот с норовом, известно было, что разливает в ковши его нельзя. Для разливания в литейном дворе из глины и песка построили систему сообщающихся форм. Но опыта не было, и литью опасались, что чугуны не пойдут из летки: слишком густой и вязкий.

К тому времени она достигла в своем деле настоящего мастерства, и варить этот броневой чугуны доверили ей. Первой на заводе.

У нее уже были опыт и лихость, в работе. Дому она называла запросто — пенкой, а когда с подругами добиралась лету на завод, она шла по миграну. На вороток клаян доухе, одна нога на доске, другая на бровке, в руке «балдаги», и не пуг в нем весе, а со стороны смотреть — пушечный.

Варить литейный пердальничий чугуны было ей

простеньким, но такой удачной, с золотыми полумесками. Павел Петрович спросил от меня горнов: «Бы у меня будешь хозяйкой Медной горы?»

Я молодая была, резвая, ответила: «У меня другая работа. Он, наверное, обиделся. Ну, в самом деле, как я хозяйка Медной горы? Он была богаче. Что там Медная гора! Какие самоцветы рассыпались по домному двору, когда из летки шел ее чугуны, — этого ж и не рассказывать! В газетках ее называли «мастером огненной профессии» и еще «покорительница металлов».

Она варила чугуны до марта сорок третьего года. А в марте случилась несчастье. В войну выплавка увеличилась, а цехе не стало хватать ковшей, случалось, чугуны еще идет из печи, его много, ему хочется на волю, а резервного ковшов нет. Приходилось переуваривать летку, оставлять металл в домне, пока не поддут нового ковшов. Это опасно, но приспособились, знали: работают для победы.

В тот день с начала смены все было привычно. Вдвоем с новым подручным (Пашу у меня забрали) они бросали в летку глину и уплотняли ее металлическим стержнем.

Когда из летки вышло огненный фронт шланга, она привычно прикрыла лицо полой войлочной шапкой, крикнула подручному, чтобы бросил суую глину, а тот растерялся, молодой был, неопытный. С испуга перепутал и метнул полную летку сырой глины. Грознул жаром.

Барыня она не услышала. С горлови до ног ее окутало огненной стеной, вспыхнула Фелиста Васильевна светлым факелом, метнулась к бассейну с водой, но уже пошла.

Врачи решили, что она должна умереть. Так полагалось по всем медицинским законам. С такими ожогами люди обычно не выживали, а она выжила.

В больнице сестры называли ее самоистязательницей. Еще двайся тебе не могла, а стала проклясть их распрямлять и сгибать скрюченные оковыми руки и ноги. Тонкая, только-только народившаяся южик не выдерживала, допалась. Терпела. Но завод ей продолжил работу полечее. Ничего не мог оставить вернуться к домне — после лежачего ожога! Можно было идти в контуру, но она знала, что надо принимать другое решение: время военное, опытные горновые будут наперек.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

# СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И  
ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ  
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА  
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года  
Выходит два раза в месяц

№ 21 [1067]

ОКТАБРЬ  
1971

НАША ОБЛОЖКА:  
МОРСКОЙ КОТИК НА ЛЕЖ-  
БИЩЕ

Фото Вадима ГИППЕНРЕЙТЕРА

ФОТОЧЕРК  
«КОМАНДОРЫ»  
СМОТРИТЕ НА  
СТРАНИЦАХ  
12—17.



4

«ДЕМОН»  
ДАЕТ ИНТЕРВЬЮ.  
Репортаж из школы  
военного собаководства.



12

КОМАНДОРЫ.  
Красота родной земли.



20

УДАРНЫЕ ОТРЯДЫ.  
На земле  
борющегося Лаоса.



24

«СИЛУЭТЫ»:  
Достоевский. К 150-летию  
со дня рождения.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

СОЛНЦУ И ВЕТРУ БРАТ.  
ФОТОЧЕРК О ГЕОЛОГАХ

СРЕДИ АНТЕЕВ.  
ВОЕННО-ТРАНСПОРТНАЯ АВИАЦИЯ

ОЛИМПИЙСКАЯ СЕРИЯ.  
ТЯЖЕЛАЯ АТЛЕТИКА.

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашии, Г. П. Енисеев, А. П. Кулешов, А. А. Лиханов (ответственный секретарь), В. В. Луцкий (заместитель главного редактора), В. Г. Победоносцев, Р. И. Рождественский, Е. И. Рябчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков (главный художник), Ю. В. Томашевский, В. Е. Томашкевич

Художник Г. С. Терзибашьянц

Технический редактор Н. И. Будкина



Она вернулась в доменный цех, иначе не могла, была уже человеком партийным.

Девятого мая, в День Победы, Фелисата Васильевна с утра заступила в смену, работы много, отвлекаться некогда. Вдруг видит, багуч к ней люди, машут руками. И она сразу догадалась, что случилось, у нее как раз такое предчувствие было, что победа...

Два года назад, а может, уже три, в августе, а самый бархатный сезон, Фелисата Васильевна отдыхала с мужем на юге в профсоюзном санатории металлургов, там один иностранец, по национальности бельгиец и тоже металлург, глядя на нее, усомнился, не поверил, что она работала на домене, была старшей горновой и варила чугуны.

Весь день он смотрел на нее с любопытством, о чем-то советовался с другими иностранцами — сидели они все вместе за одним столом напротив нее.

После полдника бельгиец сказал переводчице Наташе, молодой девушке в серебряных



НА СТРОЙКЕ ПЕРЕРЫВ.

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

**МИР  
МОЛОДОСТИ**



**В РАБОТАХ  
ФОТОМАСТЕРОВ**



солнечных очках, что этого никогда не было и не будет, женщина варить чугун не может, он в доменных процессах кое-что понимает.

Наташа пробовала его переубедить, говорила о равноправии женщин и мужчин в нашей стране, приводила цифры, но поскольку сама не была металлургом и, как потом призналась Фелисите Васильевне, дому видела только на картинке, он ей не поверил. Наташа расстроилась, подошла, извинилась и попросила помочь.

— А как помочь? — Фелисата Васильевна разводит руками. — Чего я ему скажу? По-ихнему говорить не умею, а если она мои слова перекажет, он опять не поверит. Вот ведь притча.

Однако нашлась...  
На глянцево-м листке из интуристского блокнота нарисовала дому. Бельгиец хмыкнул, закивал. Все верно, дома ему понравилась. Потом нарисовала себя в спецовке, в широкополой войлочной шляпе. Поулыбалась.

И все-таки она видела по его глазам, что он

не верит. Соглашается, кивает, а глаза смываются, а глазах сомнение: говорите, мол, все равно не обменяет.

— И такая меня обидя взяла! Как же так, с какой стати мне его вводить в заблуждение?! Да и, если хотите, отродясь не врал, а тут на тебе — сидит, не верит, тоже мне доменщик. В Тагиле, спрашиваю, были? Он Тагила не знает. Про Урал слышали? Урал знает. «Да, да, Урал!» Ну, все легче.

Она встала и, как была на каблучках, в коротком платье выше колена — тогда самая мода, начала показывать, как вела плавку. Как обычно стояла у печи, где стояли ее товарищи. Показала, как пробивали летку, орудуя ломом, и как расплавленный чугул шел в ковш огненной рекой, рассыпая брызги.

Из глубины коридора с удивлением наблюдали за ней две нянчки, обе в белых халатах, оперлись на шавбры, старались понять, что происходит. Из кабинета вышла врач. Вышла и так

осталась стоять в дверях, смотрела, не понимала, что за лантошка.

Иностранец поверил и застенялся. Начал много говорить, целовал Фелисите Васильевне пальцы. И вдруг увидел следы старых ожогов на ее руках...

С утра он раздобыл где-то огромный букет роз, перевязал шелковой лентой, преподнес в знак уважения.

До отъезда домой у нее оставалось еще две недели, и все это время, каждый раз, когда она проходила мимо тех иностранцев, они поднимались, как по команде, и смотрели, «будто я какая киноактриса или писаная красавица», показывали на нее своими новенькими, которые только приехали, говорили что-то вслед. Наташа перелезла:

— Эта женщина варила чугул для броневой стали.

— Для танков «Т-34».

— Лучший танк второй мировой войны.



Высокая добродетель собак, к сожалению, мало известна, и выражение «собака» сделалось бранным словом. Между тем, как, собственно говоря, должно было бы означать похвалу...

#### А. ВРЕМ

— Демон... Ах ты, Демон... Хороший пес, умный пес...

Черный терьер по кличке Демон бросается на стальную сетку вольера — ему так и хочется схватить меня. Глаза этого пса полны злобы и твердят сейчас только одно: «Убирайся вон, пока цел...» Лишь на четвертый день проводник в моем присутствии вывел его на волю, предельно прищипив к ошейнику широкий и длинный поводок.

Так вот ты какой, Демон — краса и гордость Центральной школы военного собаководства! Я заметил сразу: Демон — гордый пес, даже чересчур. А почему бы, собственно говоря, и нет? Ведь он очень силен, умен, чистоплюен, предан и трудолюбив. Его мощная волосатая грудь на собачьих парадах всегда успешна выдвигается, и с каждым разом их все больше и больше. Конечно, как и человек, с живой вивиспашей славы, пес немного заблагован вниманием, и слава ему, безусловно, лютит.

Но сейчас Демон не на парадем смотрит. Черный терьер начинает свой обычный день. Его мозг готов принимать сложную науку дрессировки. Он весь внимание. И куда только делались спесь и строптивость? Демон не хочет допускать ни малейшего промаха: у собак, как и у людей, в общем-то развито чувство профессиональной гордости. Потерять его и для собаки кое-что из значить...

Пока Демон проводит традиционную разминку: бегает, прыгает, подтягивается, пробует мошь своего голоса, — я думаю, как рассказать и об этой школе и о собаках, для которых каждый день и час проведенный в школе, полны глубокого смысла — и нашего, людского, и их, собачьего. Нет, вы подумайте, какими должны быть эти четвероногие друзья! Ведь чтобы четко усвоить приемы полного курса обуче-

ния, собачий мозг должен работать хорошо. Павлов доказал, что собака понимает почти каждое слово своего хозяина. У собак врожденные зрительная и слуховая память, обоняние и чутье. У них нет лишь речи. Но были же случаи, когда человек и собака, оставшись на долгие месяцы, жили душа в душу. Человек говорил с псом, и тот делал все, что хотел человек: грел, кормил, мыл, спасал...

Решено: Демон закончит тренировку, и я попробую с ним поговорить. Пусть он сам расскажет кое-что из своей собачьей жизни.

Я ждал его на лужайке три часа. Он подлетел, как метеор (сердце ушло в пятки), обнюхал, а когда я потянулся к нему, чтобы погладить, тихо, но требовательно прорычал что-то вроде: «Не смей!» или «Спрячь руки сейчас же». Он сам утесая у моих ног, ноская глазами своего хозяина, и только когда тот дал Демону понять, что «все в порядке», буднично — это свой, — пес был готов к разговору.

- Сколько тебе лет, Демон?
- Третий год.
- Ты, видать, из хорошей семьи...
- От чистокровных черно-вороних терьеров Дуги и Чапы. В свое время они брали первые призы за выучку, за красоту.
- Ты их часто видишь?
- Мне было два месяца, когда хозяин продал меня своему знакомому, так что их матери, ни отца и не помню.
- Ну, а как же ты очутился в этой школе?
- Новый хозяин подождал, пока мне исполнится год, а затем сообщил в московский клуб собаководства, что хотел бы меня кому-нибудь продать.
- Что же случилось, Демон?
- Не знаю. Я был послушным, делал все, что хотел хозяин. Даже когда он свалился и кричал на меня, я был терпелив и не показывал зубы. Наверное, я ему просто надоед...
- Ты очень это переживал?
- Когда пришел чужой человек, я подумал, со мной хотят что-то сделать. Я сейчас же выскочил.

#### ЧЕРНЫЙ ТЕРЬЕР ДЕМОН, СЫН ДУГА И ЧАПЫ С ПРОВОДИНИКОМ И НАСТАВНИКОМ ВЯЧЕСЛАВОМ СИЛЬЧКОВЫМ.

Евгений МЕСЯЦЕВ,  
специальный корреспондент «СМЕНЫ».  
Фото Виктора САЖКА и автора

#### ПЕРЕВОЗКА РАВЕННЫХ И БЕГ ПО ПЕРЕКЛАДНИКЕ ВХОДИТ В КОМПЛЕКС ПРИМЕРОВ КОТОРЫЕ ИЗУЧАЮТ ЧЕТВЕРОНОГИЕ «КУРСАНТЫ» ЦЕНТРАЛЬНОЙ ШКОЛЫ ВОЕННОГО СОБАКОВОДСТВА.







«ФУ, ВУЛКАН, ФУ!»



нил, как при мне врачи избавлялись от очень большой собаки. Может быть, и со мной будет то же? Я вытаскил укусы того, кто хотел меня жить, но хозяин вылезел мне навстрочку...

— Ты доволен жизнью в школе?

— Ничего, жить можно. У каждой собаки свой полар, или, как здесь говорят, вкусу. Нас кормят два раза в сутки — утром и вечером: мясные булочки и супы. Вы ведь уже, наверное, видели нашу собачью кухню — чистота и порядок, но правда ли? Конечно, здесь, в школе, не так правильно, как дома; мы не моем, например, беговые слезные голени и где пошло. Но ведь на это не стоит обижаться: мы служим в армии, а армия без дисциплины, как говорил большой друг и любитель собак Иосиф Сталин, есть трость, ветром колбасимая. Конечно, кое-кто из моих соотечественников недолюбливает этики порядками, но я думаю, что они сами виноваты: ничего неумоимо вылезть в хвост — ну кто слушается своего проводника и не лениться, постигая нашу науку. Это лучше, чем быть маленьким ином, с которыми хозяин без конца свисткает, а все собачья жизнь состоит лишь из того, что тебя поглаживают гостям...

В школе есть музей, где можно увидеть и почитать работу собак-диверсантов в годы войны. Первые собаки-диверсанты появились на Калининском фронте, в начале 1943 года очкарики Дина, Дина-II, Джек и Дюкор были переброшены на самолетах к партизанам в Селятино. 3 августа партизаны решили взорвать железнодорожную линию в районе станции Баркович. Проводник подобрался к насыпи и спускался по поводу Джека. У самой линии Джек зацепился выемком (в нем была уложена взрывчатка) за колючую проволоку, и дрессировщик Кириллов отозвал собаку. 10 августа 1943 года в районе станции Динса на линию пустили Дину. Она выскочила на путь перед поездом, сбросила груз и кинулась к своему дрессировщику. Через две минуты поезд пошел под откос (вагон застрял в центре состава) — дотла сгорели десять вагонов, погибло более тысячи фашистов... После переподготовки Дина помогла северам. В полковой госпитале в одной из палат она нашла мунду «сюршира».

Демон блаженно и доверительно растянулся у моих ног. Иногда он открывает глаза (он и не думал спать — просто легкая дремота), чтобы проводить презрительным взглядом муху или комара...

Мимо нас по своим делам проносятся целый взвод проводников с собаками: овчарки, волонды, зайцы, терьеры. Те, что помолжее, отчаянно лают на Демона, но он и углом не ведед — видимо, это и есть умение держать себя и блюсти достоинство...

— Неужели среди всех собак нашей школы нет ни одного пса, который был бы чем-то тебе средним?

Терьер поднимается во весь свой громадный рост. Вопрос застал Демона врасплох. И почти уверен, что он сейчас спавлет чинт...

— Вот-то, ты немалка очкарик черной масти. Ее звать Зита. Она умна, очень красива и добра...

— А я слышал, что собачья доброта не очень-то ценится. Например, говорят, чья лезе собака, тем от нее больше проку.

— Я ведь слышал о доброте в наших, собачьих, этнописях. Ну, зачем, слышите жа милость, из с чего из с чего я буду браться за такого же пса, как я? Другое дело, когда речь идет об уважении самолюбия или же шотере достоинства. Здесь пса, собака, идем на все, чтобы только не дать себя в обиду...

Все, кто работает в школе, очень любят собак. Конечно же, тут этих людей сюда ввозили. Один сидит напарничком командование, и они, повинаясь приказу, зашлись необычной для военного человека работой. Другие пришли в школу из клубов собаководства: до армии занимались с овчаркой или терьером, а потом упростили военному не разлучать их с другом. Дело дрессировки требует деликатности. Собаки шаловливы, как дети, и часто, чтобы прекратить бессмысленное болтовню или прервать упрямца, наставники нет-нет да одернут своего воспитанника. Правда, уже через пять минут взаимных обид не было и в помине: теперь можно победить, поворониться на травке, полатать на соседа, на птиц...

За сорок семь лет, которые существует школа военного собаководства, здесь, естественно, сложились свои традиции. Здесь и дня не продержат человека с признаками лживой или скры-

той раздражительности по отношению к собакам: начальство старается поскорее избавиться от такого «наставника», отправить его в какую-нибудь иную часть, где он принесет больше пользы. Те же, кто остается в школе, очень скоро становятся истинными друзьями своих питомцев. Начальник школы полковник Василий Иванович Тытков, подполковник Николай Александрович Донченко, майор Иван Петрович Полов, сержанты Владимир Болков и Сергей Саченко, рядовые Юрий Дашиня, Александр Чижов, Евгений Лашиня, Николай Ашваркузов — превосходные мастера дрессировки...

Демон вдруг поднимает голову, и я вижу оскал его мощных челюстей. В кулаках, что рядом, кто-то есть. «Демон, фас!» Он бросается туда — трещит кость, мы слышим глухой рычание и сопение... «Сержант, да ты оставь своего пса ради бога!» «Демон, фу!» Огрываем, он выходит на кулаки. Следом идет человек в толстом брезентовом халате с длинными рукавами. «Здорово он нас потрепал!» «А вы сами попорбуйтесь!» Я накликаю халат и начинаю дрочить Демона.

ние белорусских полей. Однажды ему дали участок — здесь уже работали саперы, но когда после них на поле вышел колхозный трактор, водителю немешую мину. Саперы еще раз проутюжили поле, но ничего не нашли. Слово вышел трактор, и снова трагедия. Тогда решили пустить собак. Один нес прошел метров двести и сел — на нашем языке это означает «нашел мину». Саперы кинулись копать землю и нашли... след только что выкопанной немешой «противоехотки». Люди стали смеяться над Донченко и его псом. Тогда подполковник пустил другую собаку — он хотел проверить, не боится ли нес. Вторая собака присела на том же самом месте. Тут уж саперы не выдержали, стали упрекать Донченко и на чем свет стоят ругать собак. Донченко же взял саперную лопатку и привалил копать в том месте, где недавно лежала мина. Он очень скоро наткнулся на деревянный брусок, а под ним нашел еще одну немецкую мину — противотанковую. Специалисты называют такой прием двойным минированием...



А У НЕГО ВСЕ ЕЩЕ ВПЕРЕДИ...

Он молча наблюдает мои ошарашенные, оглядывающиеся на своего дрессировщика, а затем бросается на мою подтянутую левую руку. Я чувствую его челюсти: они скминают запястье, как тиски. Толстая материя и слой ваты сверкают зубами терьера. Я поднимал правую руку — хочу оттолкнуть Демона. Он мгновенно скминает челюсти на правом запястье, ему хочется поскорее свалить меня и докопаться на земле... Я почти падаю. «Демон, фу!» Я снова лядаю и хочу посадить терьера: он глухо рычит, он не может простить такого предательства.

— Ты что же, дружище, действительно хотел меня укусить?

— Ну, зачем же? Сначала пригнул бы как следует...

— А заметил, что ты не каждому подаешь лапу или позволяешь себя лгавать...

— Мы, собаки, очень чувствительны к ласке и доброй смене. В школе были случаи, когда человек и собака не могли уязвиться. Почти всегда в этом был новинка человек: многие из нас не понимаем, что и собака может быть та же и что это сложная наука — дрессировка — не всегда дается так легко, как вы думаете, человек. У собак тоже может быть плохое настроение, тоска или еще что-нибудь в этом роде.

— Враг ведь тоже может быть добрым и ласковым!

— Я никогда не возьму из чужих рук даже самый вкусный и желанный кусок — и не так воспитан!

— А что ты любишь есть?

— Сырое мясо и грибной суп.

— Откуда ты знаешь про грибной суп?

— Мой дрессировщик часто водит меня в лес. Здесь он собирает грибы, а затем варит их для меня...

— А что ты называешь человеческой справедливостью?

— В школе слушают подполковник Донченко. В конце войны он водил собак на разминирова-

— У тебя есть враги, Демон?

— Смертельно! Нет, пожалуй...

— Ты часто болеешь?

— Я здоров. Но все равно нас дважды в день водят в собачью поликлинику на осмотр: нет ли у кого ослабев и царапин, не болят ли глаза, уши, язык, нос...

— Почему в школе не видно доггов, боксеров, пинчеров?

— Они не годятся для нашей работы. Мы правы, они не глупы, у них много сил, но не больше, чем у нас, терьеров, или овчарок. Мы с нашей длинной шерстью можем работать далеко на Севере. Догги, бульдоги, боксеры и пинчеры там просто погибнут...

— Ты говорил, что очутился в этой школе по воле хозяйки, который вдруг ты и продал тебя... А как сюда попали остальные?

— Таким же образом. Между нами говоря, среди нас людей, охотников продавать собак тоже отбавляют. Конечно, не каждому из них в школе скажут спасибо — ведь сюда берут самых сильных, самых породистых и самых спокойных. Чтобы ускорить отбор собак, уполномоченные школы часто сами едут по занятиям гражданских лиц — «посмотреть собаку».

— Ну, а если кто-нибудь из уполномоченных привезет в школу не то, что нужно?

— Я слышал, что их наказывают: они возвращают школу ту сумму, за которую купили бракованного пса...

— Какие же города славились собаками? — В основном уральские: Пермь, Челябинск, Свердловск, Магнитогорск. Затем идут Воронеж, Ростов-на-Дону, Москва и Ленинград.

Снова вокруг нас звенит лай: время ужинать, и собак ведут в выгулы.

Наверное, я никогда тебя больше не увижу, Демон. Но и забыть тебя я уже не смогу. Демон поднимается, ласково трется о колени, лижет руки и прокулакает. Ну, дай же лапу, дружище, и будь счастлива снова в своей жизни...

Борис СЛУЦКИЙ

## МУЗЫКА С ПРИБРЕЖНЫХ КОРАБЛЕЙ

Обязательна, всеобща, и бесплатна, и народна. Слово шлола с обученным восьмилетним. Музыка с прибрежных кораблей. В знойной воздушке, в дрожащем, летнем, Так легко, естественно, природно море с небом склеивает пленку. Музыка с прибрежных кораблей. И на солнце оставляет пятна Музыка с прибрежных кораблей.

Всюду она главная стихия, Зноя яростного злей, И легко пишу стихи я Музыка с прибрежных кораблей. Но когда, словно свои пластинки, И расшириваю ботинки, И разведшись до трусов, Брыкнется радост в прыжки койки, Музыка — ни капельки, нисколько: Наступает время голосов.

Шепчутся соседние балконы Дуэт пансионатских кортуса. Миллионеры про законы Нарушителям наполняют. Волны гальку с грохотом сминают. Бороза, как бакланов, Вдруг засокывают на засов. Наступает время голосов.

Все, что было музыкой поднято — Море, человек, теплина, — Вдруг запало терпко, словно мята, Мощно, как польня. Снова обломки дореволюция Музыка — ни капельки, нисколько. Тихий запах юда или лесу Подает неслышим голосок.

## ПРОЩАНИЕ



Перрон. Провожающий машет рукою. Вагон. Отъезжающий машет платком. О, сколько их кончились сценки такою Любевей и друбей. Сколько скопилось в ком.

Не в такт они машут. И долгим гудком Затопит, залет, как весенней рекою, И машущего с перрона рукою И машущего из вагона платком.



Россия — не Азия. Рейн  
здесь не уходит в пещеры.

Из самотека

Космолинейная — в стиле дождя —  
Ученическая тетрадка.  
В ней сформулировано кратко  
Все,  
До чего постепенно дойды,  
Все,  
До чего на протяжении  
Ихлины  
Додумался он,  
Что нашел.  
В ходе бумажного передвижения  
Это попало ко мне на стол.

Тщета ли тщательности!  
Круглые бровочки!  
Все до единой загустели пуговики.  
Главные мысли, как гости почетные,  
В красном углу  
Красной строки.  
Бюроды аккуратно подчеркнуты.  
Пронумерованы четкой линией.  
Впрочем, подробности эти  
технические.

Мысли же лугуэнические,  
А не ученические.

Сам дописался,  
Додумался сам!

## КОСЫЕ ЛИНЕЙКИ

Сам из квартиры своей коммунальной  
С робкой улыбкой машинной  
Вызовы посылал небеса.

На фотографии  
Блеклой до желтизны  
Отчетливо все же видны  
Взгляды,  
прозревающей синие дали,  
Словно исполненный важной печали,  
Профиль,  
быть может, поморских кровей,  
Бригство щек, тень бровей,  
Галстук,  
завязанный без ошкни,  
И машинная робкой улыбки.

Эта последняя фотография  
И неподходящая биография  
Вложены вместе с тетрадкой в пакет.  
Адреса же обратного нет.

Видно, и в том городке небольшом,  
Что разбирается все же на штемпеле,  
Верится плохо, чтоб кто-то нашел  
Волю, и силу, и время  
из темени



Светы погасише  
извлечь.  
Дело закрыто. Оборвана речь.

Я ощущаю внезапно  
Спной,  
Косей  
И всем,  
Что мне в душу насавано:  
То, что сегодня прочтено мной —  
Мне адресовано!  
Преподователь истории,  
тот,  
Что сочинил это все  
и скончался,  
Был в своем праве, когда  
не отчаявался  
Знал, что дойдет.

Это — дошло.  
Я сначала прочту.  
Я перечту.  
Я помечту уту.  
Я постарашу ужо,  
чтоб Москва,  
Я поработаю,  
чтобы Россия  
Тщательно прочтала слова,  
Всплывшие в линейки косые.

## ВСТРЕЧА МОЩЕЙ

Когда открывали плиту,  
Смотрели на холодную бездну —  
В бескрайнюю пустоту —  
Визгивалью и бесполозю.  
Была пустота та пуста.  
Без дна была бездна, без края,  
И бездна открылась вторая  
В том месте, где кончилась та.  
Так что же, никого! Ни черта,  
Так что же! Никого! Никого —  
Ни лиц, ни легенд, ни событий.  
А было ведь столько всего:  
Надзем, упования, нанити,  
И вот — никого. Ничего.  
Так ставте скорее гранит  
И бездну скорей прикрывайте  
И тщательнее скрывайте  
Тот нуль, что бескрайность хранит.

## ЦЕПНАЯ ЛАСТОЧКА

Я слышу звон и точно знаю, где он.  
И пусть меня романтики извинят:  
Но у skies свои границы:  
Цепная ласточка  
Железками звенит.

Цепная ласточка, а цепь стальная  
Из мелких звеньев тонкая,  
не стальных,  
И то, что не поврять их — точно знаю.  
Я точно знаю —  
Не сорваться с них.

О, синева, а вся голубизна!  
А как синеться ее темница!  
Но у skies свои границы:  
Летяны, крылом упорешься —  
И стена.  
Цепной, но ласточке, нет, все-таки  
цепной.  
Хоть трижды ласточке, хоть трижды  
птице,  
Ей до смерти приходится ютиться  
Здесь  
В сфере притяжения земной.

## КАК ОТДЫХАЕТ РАЗВЕДЧИК

Вот он возвращается с заданья.  
Вот он просялся сколько смог,  
Вытанул вдоль мизоздания  
Пору изоженных ног.

Вот расстелая плац-палатку.  
Вот подстригает усы.  
О, до чего же вы сладки,  
Тихие эти часы!

Солнце еще в зените.  
Долго еще до темноты.  
Жаворонок, завенит;  
Не замирая, струна!

Вы, трофейные часики,  
Тышите на руке!  
Изображаете, классники,  
Эту миань налегке!

Изображайте, гении,  
Если вам по плечу:  
До следующего задания  
Полуснет ему еще.



## ПОЛИТКРУЖОК ЧАСОВЩИКОВ

Не бицепсы напряжены — цепана.  
Нагружа все на глаз, на мозг, на пальцы.  
А все же у него, часовщика,  
Есть время осмыслить всемирные напасти.  
В те годы бесполозю артели  
И отпала мысль от шестеренок  
Германия.  
Какая цель  
У гитлеровцев разьяреных!  
И я, недоумчивый студент,  
Работал за почасовую плату,  
Давы весь мир от Рейна до Ла-Платы  
В своей беседе часовой задыть.  
Весь мир. А также на любой вопрос  
Отвечать, рассчитать любые шансы.  
И с каждою убойе я рос,  
И с каждою убойе я улучшался.

Часовщик взирал на меня,  
Как на секундную взирал стрелку.  
Я, искорна всемирного отня,  
Им что-то освещал,  
Пусть дробно, мелко.

Часовщик, конечно, знали сами,  
Как понимать весь мир и что считать,  
Но им, весь день сплюсненным над часами,  
Принятая было слушать, не читать.

Ступоту спину удобно разогнуть,  
Они зинали здучливо и гордо,  
Когда, Берлин с размаху резануя,  
Я мертвая хваткой Рим хватал за горло.

Стекло какое-то протри, промой,  
И вот  
часовщик сядет, внимаю,  
Который год идет

Столетню,  
тридцать восьмой  
а мне — двадцатый, с мая.  
Огромная, как зарево, война,  
Отчетливо, куда ни глянь, маячит,  
А это значит,  
Вот что это значит:  
Полнучеба кончиться должна.  
Пришли поитработы времена.



Привычка  
Зависывать сим —  
При спичке,  
При свете луны,  
При отблеске фанара,  
Неверной спросонку рукою!  
Образовалась не зря  
Обыкновенье такое.

Понюдова сон не забыт,  
Из Петы едва только вынуты,  
Пока не заснут за быт,  
За явь до конца не задвинут,  
Он рифмы реальности.

О! И небо в руке —  
отраженье.  
Он вечных трудов и времени  
Мимозное преобразование.  
Не наши ни вещи сны  
В стихах повторены,  
Зачеплены на холсте!



Человечество — смешанный лес,  
Там что немного такое топорщить  
Или лезть презрительно морщится:  
Все равны под навесом небес.

Человечество — общий вагон.  
Залпятил — взодите, садитесь.  
Не гордитесь. На что вы годитесь,  
Обнаружит любой перегон.

Человечество — кинотеатр.  
С правом входа во время сеанса,  
Также с правом равной шанса  
Досмотреть. Уверните азарт.

Пререканы и разногласие...  
Не смолкают еще до сна пор.  
Получается все-таки хор.  
Мы шумим, но как в поле колысья.

Рисунки Владимира БЛАНКМАНА

## 1.

Сразу приставляет обнову Василий Лужич не рискуя, несерьезное это было дело — и по воде, и обнове, приходить необходимо, и дома, не на лыжах, да в проеме того, что тогда дола. От заверну протеза в приготовленную заранее холстовку, забинтовав бечевой, привалял по краям кусок бечевой поверх на малую ружейную лыжу и перенцуж новую свою ногу на спину, проверив сразу, удобно ли она легла.

Взвесил он расклад, и в возможности у веселье гражданки, веданной выданной всякх так не хвативши людям запалост, отменил про себя, что немного, видно, уже осталось военных инцидентов, раз протезы начали выдвигать забесплатно, и поблагодарил ее, стеножно кивнув, и вышел на крыльцо, лишь там кинулся карту.

— Во! — выдохнул он облегченно и динулся, постукая своей деревяшкой по жесткому асфальту, в сторону городского парка, где была осенняя армяра. Слავа богу, мучение кончилось, остальные хлопоты были приятными, хотя и не очень удобными. По сию пору Василий Лужич стеснялся как-то города, притом, не города, а городских жителей. Все ему казалось, что прохожие глядят на его убогую деревяшку, да еще, чего доброго, жалуют его, одетого бедняком, да и не по моде, — полосатый поджак с нависшими плечами, отчетно они кажутся квадратными, и в так же неповадные ботинки. От этого стеснения Василий Лужич жалел то ропливо, не оспаривая, не глядя на людей, хотя и видеть их было нельзя, нельзя было не заметить и молодежь — девчонки, одетых в короткое, назови выше носом шаровые панталонки, которые по нынешним городским понятиям и шароварам не считались, рубаш в хороших рубашках и притертых куртках, не то что прежде, когда все носили одежду на один цвет и манер. Что там говорить, даже в деревне молодежь одевается пылче шестро да ярче, про город ли говорить, и от этой ярости Василий Лужич чувствовал себя еще неулитий и неуверенный в своем костюме, с перенцужной на спине протезом, хотя и замаскированным в чистую холстовку, но все-таки четко прорисовывавшим под материей, а особенно со своей деревяшкой, которая постукивала громко по асфальту, отбивая каждый его шаг, и приваляла внимание чужих людей.

Как бы Василий Лужич, наконец, и злет в гору с этой своей деревяшкой, кабы не Коеса да не районный доктор Морозов. Коеса от разговор вела лет двадцать, но безуспешно, пока ей на помощь не носел старик Морозов, страстный утичник и еще аскантер. В деревней физико яншоче и козырьки и институтский ок пугивому научивший. Морозов впервые начал заглядывать к Василию Лужичу, кабы не сию спонсоризацию на Борониче оера или с большой деревяшкой коробкой, где хранились краски и широкие листы бумаги, и чаще всего Василий Лужич сопровождал старика, присаживая, когда тот ронил некое от выстрелов стержню на землю. Коеса в те годы представляла анишочку и одиному утичничку: оно не удерживало ни павлины, и хотя доктор стрелял неудру, дуствало ему не требовалось, так как все равно было одно выстрела подоро на сделать не мог. При морозовской охоте Василий Лужич сидел где-нибудь в углу или в конце стола, а когда доктор улетал, то сидел, прислушиваясь к вмязанным ушной кровью рукам пару крошек. Если же доктор рисовал, Василий Лужич черел плечо к нему не заглядывая, не мешал, ждал, когда Морозов покажет свою работу сам, и разглядывая акварели — все грустные, пасмурные по цвету, — чаще жалел. Она вообще говорила не много, разве что вставляла, чувствуя, однако, больше. Чувства оба, что между ними — чернык, как уголь, стержнем доктором, забавным способом благодаря своему непомерно курносному носу и вовсе не забыван в самом деле, и им, жескиком, человеку тоже немалодуш и по складу своей жизни малостроительного, что-то такое, что трудно обобщать словами, но что устанавливая внутреннюю связь людей. Какие-то словно нити тянулись между ними.

Это-то и позволило оцандить Морозову, пешдому по тропе вслед за егерем, сделать ему карту, пославши его.

— Что-то не нравятся мне ваши холстики, мильяй.

— Да уж чему тут нравиться? — ответил Василий Лужич, — какая уж тут повода.

Но доктор возразил:

— Как надо быть бы, мильяй, а эту деревяшку в огонь — она вам мешается, новоначинку трансформируется, итакла замешается крошечноразнообразие, сотрутся кости, в обморок, зержинка, и все вогажу, и не спорите, мильяй, нам друг другу становится нечего.

Как у Коеса, так у Василия Лужича был свой советник; он-то, собственно, и настоял на том, чтобы Василий Лужич поехал в город на протезный завод, на консультацию и примерку, и Коеса, упоминания доктора зрелищных часех свомаря, всевышечного на дунивших сосисных шинках, никак не мог бы повраздаться, что Коеса, как и Василий Лужич, не был ни доктором, ни темн ходять на не деривалик, а как все — на обеих ногах, хотя одна нога и неслепозача.

Василий Лужич возмечался, ботал в стенино ложничной, ратоничи чашечки, и на остуеи кидать, Коесу, потому что пожелал в работу. Морозо, рашло, в однок двадцать нада, она и хотела бы идти с мужем, у которого на месте обе ноги, хотя бы на праднички, что ли, идти без этой случайки по тротуару деревяшки. Но теперь было иначе. Теперь Коеса парализовал в ногу его кривость, но она горчивила язык и губы, так что бы было не до крамства, но она горчивила язык и губы, так что бы было не до крамства, удобней опираться на настоящий протез, а не на эту липкую ногу, которую лесник сам и вырубил из сусушеного слона, сам и приприспавлявал, чтобы носить.

В конце концов, ослепившись износом, Василий Лужич поехал на консультацию и на примерку в город, а через месяц привез его раз за обнвою и теперь вот тужал по асфальту своей деревяшкой, отсчитывая ее последние версты, на армяра, а там и поведу, толком жопащам до деревни и оттуда пешком до основного бора, до зеленого холма, на котором

выдвигался издалека его рубленый из кряжистой сосны, прочный дом. Вот и все.

Деревянную колотушку свою не выбросил, Василий Лужич это решил давно — мало ли что случится в лесном бездорожье с протезом на блестящих шарнирах, со скрипящими кожаными протестками, так что, однако, еще пригодится и колотушка, и место для нее в чуланичке он уже обобачил, приметая подходящий кромок.

## 2.

Армяра была нева�аточная, городская — без дальных тесовых столбов, на которых гурались крышам, томятся туча с медом или тошнвым сибирским маслом. Одно название, что армяра — федерале, одно красные дяркы с цвстными гриммами, выстроенные не по разному, но пошлое и в каждом цотке непременно разный белый стид, вывшенный на веревочках. Трус и лифчики полочутся на ветру, леут в глаза, застывая темное нутро армяры, Василий Лужич проходил мимо них, кривая в неудовольствии, но поспешая удаляться городскому безчеству. Что ж, он не красная дярка, любюй товар, самый что ни на есть нателный, торговать надо, но не так же. Он и у них в селло подвезки разные есть, но по-людски, в отделениях, не помучит черод носом, не заставит есть и другое дало.

Притом, федерале дяркы скоро кончатся, кончат павильончики, навроне индустрии, куда надо входить и где товар продается по цельному назначению. «Как вы подъезде?», — отменил про себя Василий Лужич, ирпашничью, что, скода с поезда и добирался в городской центр, поначалу тоже по большому желательству хрибнороботной, лишь потом уступила место наименьшим сервисным киоркам и магазинам с сервизным тесом. Армяра получалась верое маленького города в большом городе с такими же правилами, и Василий Лужич обдорился, потому как в павильончиках, где торговали медками дельного назначения — пальцо тые пальцо, ботинки так ботинки, — и можно лишь было сосать надобное пальцо, без хлопот и дальних городских переносов.

Особых покупок Василий Лужич делал не собирался, все, что необходимо потерел уже — соль там, или сахар, или всевозможные крупы, — Коеса брала в селло, но голдодные и другие продукты его не интересовали. Хотелось вить шапку для себя — зимнюю, желательнее меховую, так как брать лишнюю хотя бы и на такое малое удовольствие, как шапка, Василий Лужич никогда не решался. Да и как можно об этом думать, раз беклу из селло выйдешь и не помолк дярк, как не помолк дярк, а выйдешь, так и поспешно носом брать запрещеное. Другой бы лесовик сумел, и не чего, шапка бы обход, но Василий Лужич давно заметил заплать в городе лишнюю двадцатьку. Отвара шапка, прямо сказать, пострепалась бы сего и подала бы на утлыкх ридюток докторов легитимных шапках. Василий Лужич затеял поспешнее, с тайничку. Хотел он пригладить что-нибудь Коесе к одному необыкновенному делу.

Коеса, понятно, удивится подарку, потому что ведь это день иррадничий, а Коеса, конечно, чужий человек, но Коеса это, конечно, поймет, подумав, ои мог ли — и подарки полагается по правилам ирраденику. Но нет, Василий Лужич задумал в этот день подарить что-то наикратнее именованно ей, Коесе, и вымышлял это свое намерение с особым смыслом, невычитав, молот, чужим людям, но Коеса это, конечно, поймет.

Василий Лужич представлял себе, как взглянет на него жена, как затуманится ее глаза, но она сдержится, не замечает, посмотрит на него дало, молчалю, охватит его как бы своими глазами. И, разглядывая друг друга, они опять прокинут их долгие годы. Василий Лужич опять помелся, как тогда, в госпитале, и опять можно будет идти дальше, зааряк армяры, оишь, так в глубокую и всегда жаркую лунку.

Да, пятдесят лет брикет на ледостае, полтинник, как умелся, сказал доктор Миклар, которого Василий Лужич на такую дату пригласил еще летом, и в этот пятдесятый, из этого ледостае, двадцать семь, потерем там как унуть, лека в протезной их кровати, от вечера в вечер глядит Василий Лужич Коесу неизменно дальною но темным, тесеру ут с седной, но все еще густыми волосами.

Двадцать семь лет, конечно, не совсем, живет люди и дольше, и стареются, дачно не стареются, бьются и мелят, но так, как жажут они, Василий и Коеса, наконец, никто не живет, потому что жить у них на обонбу, не в подробе, но и не в зимре.

Но невесты, ирраденики, Василий Лужич, Васяла тогда, не верил в удачу, думал, что все это у Коесины — жалости к нему. Васяла, конечно, и жалость, но не то в невесте. Жалость, она у Коеси в душе, Василий Лужич знает, что и теперь Коеса его жалует, особенно после дальних обход, когда на Муртовом живноту места от обвод да слепной вет, и Василий Лужич ведет коня за повод, сбивая в кровь кутангишу, но то обобай разпор. Просто, видно уж, то ли по болей мильяй, если он есть, то ли по закону справедливости — такой закон обязательно есть! — выпала Васяла тогда такая удача, такая звезда носел всех тегощит, доставившая ему.

Встретил он коесу, встретил она, истретила его, потому что сам он был тогда неизменно отогнута Василия и сняла с него половину дорной тяжести.

Соседи по налате поминивались, один старец даже взвразил: мол, не надейся, мол, она, сердечная, только до выпинки, чтобы обходить тебя, это и в их медицинские обязанности входит. Нет, ниот, вышечку, но в Коесину — по собственному желанию — и уезжал, как створился, в район и даже за район, в деревню, слав команду на озеление и тваро ренина по окончательному выдвориванию определять Василью в лесничество, а по окончании он и уезжал.

Так оно и было, мильяй.



Могли откопали. Кеша не терпела большие скопления, но как добралась до места назначения, до этого сибирского госпиталю, так и не помнила. Про Василия же Лущича и говоритич нечего. После того случая, который произошел с ним, он как бы застывал, и из этого существования сумела вывести его только Кеша.

Там, в госпитале, когда еще шла война, но для Василия и Кешы она уже кончилась, Василий Лущич, холодец, думал о простой такой истре — ведь они могли и не встретиться. Могли и не встретиться, чуть правее проходили пули, когда стреляли по Кеше, или наступил он на ту мину чуть иначе... Но они встретились, все-таки, оба огуленные войной, оба потерявшие всю родню — начисто, до одного человека...

Они скавали тогда друг другу, что если уж так повелось и им суждено было выйти из этого оруженного некая живыми, остальную жизнь надо прожить хорошо. Они не были испорченными людьми и поэтому решили, что прожить хорошо — означает не деньги, не имущество — что амальгаму после войны? — а любовь, только любовь и полная жизнь друг для друга.

Многое из этого они все же и не говорили друг другу, да и не сумели бы сказать по своей простоте и неумению складывать словесные обоняния, но думали, внутренне чувствовали и решили, что дальше прожить адалеко от Хлопот, от всяких сует — только друг для друга, только друг в друге, — и построили, как хотели, прочный смолястый дом на вершине холма, под макушками сосен.

По ночам сосны роняли на крышу шишки, они ударялись глухо, коротко скатывались и жемолом, и Василий Лущич, глядя заскорузлой ладонью жену, не раз задумывал, что бы сделать такое для Кешы, для единственного и дорогого человека, как же жизнью выжить нищему ему, как бы ответить ей на ее любовь, доверчивость и понимание не любовью, этим он отвечал никак, благо, гольдарию, а памятью, так, чтоб осталось что-то на память после него. Все-таки, как ни крути, а подлинник...

Глядя Кешины волосы, Василий Лущич думал, что планы их удались, что жизнь они прожили очень славно, что после ран и болей в молодости тишина и зрелости исцелила их, что мысль про жизнь друг для друга правильная и что дочь, Ализушка, вышла по плем, была счастливо замужем, ровная и тоже сумеет хорошо любить и узнает, что такое любовь, да и ей только бы постараться суженого, чтоб души совпали и намерения, как и у них с Кешей, да чтоб еще техникум закончила благополучно.

В такие годы, как у Василия Лущича, когда дело добродается к полтиннику и когда дети занимают у людей всю жизнь, отходящая личине в сторону, словно хоты и дорогой, но ныне ненужный хлам, чувства, любовь словно бы отмирают. У Василия Лущича хлама никакого не было, он частенько задумывался над этим, часто поворачивая себя, не врет ли в душе, но всегда отшучивал эту мысль со словоблудием. Нет, не врет, он знает и не желая знать, как живут другие люди, как бы отгородившись от них и устраивая свое существование без примеров, смышленача, от того, что привнеси они сюда, в этот избу, в сорок стеном, через год от победы.

### 3.

Василий Лущич пробрался сквозь толпу, то смущался своего «придеца» за спиной, то забывая обо всем на свете и вспоминая Кешу, для которой подарок должен быть удивительным.

Он безразлично проходил, мимо ворохов цветастых платков, мимо га-

В сорок шестом, призвав на помощь демобилизованных мужиков и попросив поддержки начальства, Василий Лущич срубил дом, выбрав место высоко, на холмике прямо под сосновым бором.

Вид сверху открывался воистинно широкий. Внизу дарились, где слышали они комнату, была в километре отсюда, воздух в вышине оказался прозрачный, особенно в осень, когда тихо и уже подбирает траву морозец. По утрам, оставаясь с солнцем, Василий Лущич и Кеша молча, не сговариваясь, подходили к окнам, стояли рядом плечо к плечу, ослыживались даль и дали, дали хрустальный до звонкости воздух, как будто хмельную бражку.

Румянец озарял Кешину щеку. Василий Лущич искося, осторожно поглядывая на этот румянец, вспоминая, как мечтали они про такие минуты в кушном, пропитанном лекарствами темном госпитальном уголке под лентиней вольде вешали, глотая свежест и радушая, что вышло по ихнему.

И он и Кеша немало хвастали тора в той уже почти забытой войне, полюбив друг друга в госпитале — не близко, не по-молодому полюбив, а как-то очень в глубину, даже чуть по-стариковски, что ли.

Кеша была в оккупации. В сорок третьем ее отправили в Германию, но она бежала из колонии, когда их вели на станцию. По Кеше стреляли, пуля испорола ватник у плеча, но не задела, и ей удалось уйти. Домой возвращаться было бесполезно, она пошла на восток и добралась до своих, лишь случайно не погибнув.

Возвращаясь из плена, Кеша как-то набрала на земной колды и услышала глухие стоны. Руками, разбивая в кровь пальцы, она стала раскапывать землю, но не успела, стоны заглохли, Кеша откопала лишь руку, лишь сироченную человеческую кисть.

Молча, обезумев от ужаса, Кеша побежала прочь от теплой молчания, в березнике ее свало, она терпела сонание, не переставая идти, наконец, упала без памяти, а когда очнулась, увидела красноремейцев.





видно, мать. Женщина была в старом полушубке, и на овчине выдвигалась аккуртная строчка испорченных дыр — след автоматной очереди...

Василий Лукич повернулся и вышел из избы. Перед домом стоял убитый матишинка, капитан Николай Иванович Рубцов. Он глядел мимо солдата на дверь, потом медленно перевел взгляд на Василия Лукича.

Василий Лукич глядел сквозь матишину, сквозь основной цветастый лесок, куда-то вдаль, где ничего уже не было, и очутился только, когда командир батальона взял его за плечо и резко сказал что-то.

— Приходи к себе, переоденься Василий Лукич.

— Сколько тебе лет? — повторил капитан.

— Двадцать четыре... машинально ответил Василий Лукич и шагнул в лес.

Василий Лукич окинул его, но солдат ослушался командира, не подчинился ему, как в тот раз, с рапортом.

Василий Лукич шел осенним лесом, не понимая сам, куда идет. Тогда, после письма соседке, он долго представлял себе, как погити бы был грот, и в представлении своем изобрел различные приемы: взор бомбы, грохот, воронка, которую медленно заливают талая вода, но все, что он представлял, было лишь воображением, придуманным, и он, в сущности, не мог поверить до сих пор, что он отца, и матери уже нет.

Он прояснил тогда в пехоте, пошел пехотцем, он хотел увидеть того немца, который кинул бомбу на их дом, хотя ясно, что бомбу мог кинуть летчик.

А откуда летчик в немецкой пехоте? По это было неважно для него.

Он хотел увидеть того немца и убить его. И желание убить было выше, чем желание увидеть.

Через же все перевернулось...

Он шел осенью осенним, обламывая сучья, не таясь, не остерегаясь, и хотел лишь одного, лишь одного, лишь одного...

Увидеть... Увидеть его... Во что бы то ни стало увидеть. Увидеть лицо того расщепленного и убитя мятца.

И он увидел его.

Он увидел его. Но не разглядел. Было неясно.

Немец заметил его и крикнул то слово: «Ахтунг!»

Взвизг, он был испуган.

Василий Лукич нажал на курок и угадал, как фпну разомозжил голову. Он попал ему прямо в переносицу, а пуля была разрывная.

Потом он шагнул еще, продолжая свой путь...

Очулся Василий Лукич в санктарном поезде. Помнил, до сих пор хорошо помнил, что очутился он с той же мыслью, с какой погрузился в темны. Выплыл из бессознания, он подумал не о себе, не о том, что вот оно как, оказывается, очутился, значит, совсем не там, где желал, не о неопытке него подумал — это уж потом выяснилось, что ноги нет, а о том, как никуда не сойдешь, о том, что так и не сумел разглядеть немца, ах, черт побери, не сумел...

## 6.

Двое парней и женщина раскатили смеялись. Они покупили матрешку, внутри которой есть дурга, поменьше, и это странно веселило их.

Глядя, как куклы становятся в бесконечный ряд, Василий Лукич медленно, словно из небытия, возвращаясь на армянку, отступал — с войном.

Он усмехнулся, разглядывая матрешку.

Вспомнить, и чем так так угнетены вы? Про себя он думал, что у него две половинки жизни. Одна там, за чертой, которую они вместе с Кешеей провела, другая здесь, в нынешнем времени. А оказалось не так. Оказалось, крики «Ахтунг!» этот белоборый улыбающийся немец, и все, что было бы после, все, что он должен был сделать, и светит и чертовой бабушке все бинты, которыми обвивала его бережно Кешеея. Все, покаялся, как у матрешки. Ежели одио открыты, в ней другая, тот и покаялся, а все же другая, так что лучше будет не открывать. А то открылся Василий Лукич, размотал бинты и вот, как ошпаренный, бьет по жаренке за трома немцами, и только одио вменялилось: разглядеть их как следуют. Как следует разглядеть...

Что делать, так вышло — некогда в тот случай Василий Лукич живого немца видел, а старое белоборое существо, которое было в нем, и оно же, оно же Кешеей — ослепительной лоснящей оии помялись про старое забыты, а черт знает, что, коли вышло так, и они, два перста, посеред войны и горя жизни остались, жить, жить, жить друг для друга, наслаждаясь жизнью, любви друг друга и торопясь всем этим наслаждаться, потому что жизнь по сравнению со смертью коротка и мимолетна...

Немцы купили сразу две матрешки, видно, поудавлять там, у себя дома, знакомых или родных, и двинулись дальше. Василий Лукич неотвязно шагал за ними, и случалось то, что и должно было случиться: тот, белоборый, селел чужою своим кружком, и они все трое погнались на Василия Лукича. Поглядели внимательно, без усмешки. «Заметай, заметай», — подумал Василий Лукич и выпрыгнул. «Ну, ну, заметайте!» И увидел себя вздрог как бы со стороны: седой, словно инем зрелый человек, сидит против него, и он, Василий Лукич, и он же трое погнались в холстину, невзвидный, зрешный на первый взгляд мужичонка, но голову держит прямо и глаза от немцев не отворачивает, не смущается.

«Что вам надо отворачивались! — подумал он с неопределенной злобой про двух парней и женщину. — А мне что же, я с вами дома... И посмотрел на прищипы с высовом...

Он будто перекалялся его взгляд и пошел быстрее, тогда и останавливался возле всякого ларька, но не пододол, не как прежде, и Василий Лукич идет нет-да и лопил на себе старомосренный взгляд до женщины, то белоборую, то другую. Василию Лукичу тогда пришлось прибавить ходу, и деревянная нога оплеталась по асфальту, но заглушаемая протертым костлявым наконечником из черной резины.

Василий Лукич глядел на немцев и издали и близко, рассматривал их лица, но одио не видел, как они шли, тем же больше чувствовал каку-то свою расколосотость.

Он искал в них того немца, но что-то ничего у него не получалось. Женщины, конечно, в расчет не шла, тогда, покаялся, она одна из троих могла помнить, а если войну, и ее, покаялся, тоже было под пятьдесят, так и Василию Лукичу, но уж только только она маскировалась — высокие каблуки, тонкие чулочки, только вот лицо, как его ни крась и не белы, все равно выдает, и морщина мелкой сеткой, видеть, не за так... А парни...

парням, наверно, столько же, сколько ему тогда было... Он не понял тогда вовсе, можно, почему Николай Иванович Рубцов спросил, сколько ему лет, даже, можно сказать, не дошел до него этот пустой вопрос. Но он оказался не тут как тут, и Кешеея в госпитале, когда он еще ходит не мог, тоже спросила его об этом. Василий Лукич повторил: «Двадцать четыре» — и замештался, как легкая тень пробежала по Кешеемю лицу. Она помолчала, пристально взглядывая в него, а потом вынула из кармашка маленькое зеркальце, и Кешеея в госпитале, когда он еще ходит не мог, тоже спросила его и узнала себя. В первый раз на все это время глядела он в зеркало, потому что брили его как лагерного молодцы, а иной нужды ему глядеться в зеркало не было. Он взглянул на свое отражение и увидел своего дядьку с шальными щекнами...

Эта женщина была тоже что-то особенное — двадцать четыре, двадцать шесть, не больше, но они были совсем другим, и прочем, ничего у этого особенного и нет. Они, покаялся, и родились после войны, вроде его Оскара...

Василий Лукич жевал поганую папироску, шумно заглатываясь, и неуклюже шел за немцами.

Ярмарочные ларьки кончились, дальше начинался галд, расесеченный асфальтированными пустынными дорожками.

Немцы шли по одиою из них, и Василий Лукич на минуту останавливался, переводил дыхание и раздумывал, как быть дальше. Теперь уже за него не спрашивается — вперед белоборая дорожка, и он один против трех немцев.

Но немцы удалялись, и Василий Лукич, словно заигнорированный, двинулся дальше.

Парк походил на тот осенний лес. Тихо шурша, падали на землю опавшие листья, нахло предельной травой и жуками.

Немцы неопределили себя на лавочку, и теперь уже все втроем пристально — в ту сторону, куда шел Василий Лукич.

Сердце замешталось в нем, расчланилось, словно мятлик, но отступать было поздно, да и не в его обмале, и Василий Лукич, замедляя шаг и все еще жуя поганую папироску, двинулся к ним.

Все было так, как тогда — и лес, покаялся и прозрачный, и боль, и-под соарной кореты, всякая, нестерпимая боль, и немцы, которых он никак не может, столько времени погоял, рассмотел.

Василий Лукич медленно подошел к скамейке и в упор взглянул на их лица.

Да, это было, как тогда, — и лес и немцы, только ни у них, ни у него не было орудия. Да еще ревала спину пролезная нога — память войны. Но это ничего не меняло для него. Василий Лукич в упор глядел на немца и желал увидеть в их глазах растерянность.

Василий Лукич подошел к скамейке, но на белоборую, то на его дружка, взглядывался в их лица твердо и требовательно и аргут... мдут вздрогнул...

Немцы все трое смотрели на него не растерянно, нет... Они смотрели на него с неопределенностью. Василий Лукич видел, что они, два мальчика, глядели на него женщины, особенно тогда, после госпиталя, когда он, седой, одиокогий, совсем мальчишка, шел по деревне, где они жили с Кешеей. Война еще не кончилась, она кончилась только для него, и глядя на него, как тогда, — и лес, покаялся, и тонкий, и тонкий, и тонкий, о своих мужиках и, жалел его, Василия, заранее опакивали тех, кто вернется, как он, инвалидом, да и вернется ли вообще...

По то были свои. Деревенские. Бабы...

И было так, как тогда, — и лес, покаялся... Но это были не те немцы... Те немцы не могли глядеть на него так...

Ах, черт, как глупо, как нехорошо получилось! Он смотрел на этих чужих людей, думал о своем, а они отвечали ему жалостно. Жалостно...

И было так, как тогда, — и лес и немцы, но это были не те немцы... Не те! Не те!

Василий Лукич потоптался в растерянности и повернулся, чтобы идти дальше.

Неожиданно белоборый парен, тот, который кричал «Ахтунг!» в киевской лодке, выскочил и пошел в карман. «Что за черт? — едва успел подумат Василий Лукич, а белоборый вынытнул что-то блестящее.

— Бинт! — сказал он и протянул руку и Василию Лукичу.

«...И вот, как тогда, — и лес, покаялся, и тонкий, и тонкий, и тонкий...»

«...К чему это? — подумал Василий Лукич и тут только осознал, что держит во рту изжеванную папироску.

Он вздохнул, прислонив папироску к огню, пыхнул сизым дымком и вынул ее из кармана. И вот, как тогда, — и лес, покаялся, и тонкий, и тонкий, и тонкий...»

Белоборый отступил в сторону, а Василий Лукич шагнул, дотукаясь, но аллее.

Возвращаясь назад было неважно, и он шел довольно далеко, пока не вырвался за парку.

Листья шумели над деревянной и заглушали ее ступ.

Василий Лукич расстелку драмовской рукой ворот рубашки и аргут исподлобья на парня, и вот, как тогда, — и лес, покаялся, и тонкий, и тонкий, и тонкий...

Однако возвращаться было некогда, иначе опоздает на дачный поезд, который ходит раз в сутки. Он выдосадовал на себя — в кои-то годы что придул и сам же сорвал, не знаясь данное самому слову, но деять бы так, и Василий Лукич отпрянул на вокзал.

Усевшись у окна в знакомом вагоне, с радостью и успокоением прислушивался к говору деревенского толпа, возвращающегося из города. Василий Лукич подумал с грустной улыбкой, что день ему сегодня достался тяжелый и стараний. И что все это обман, придуманный им с Кешеей, что от того прожитого и инкуды, кто уйдешь, не денешься инкуды. И человек тут не волен.

Немцы оказались не те, вот и все никак.

Тот немц давно изгнана в лесу.



**Н**аш корабль шел в Алексинский залив ловить окуни. Слева на пустынном горизонте поднялись бурые скалы — Командоры, последний привет родной земли. Там,

на командорских рифах, металось белое пламя разбивающихся волн.

С пакетбота Беринга «Святой Петр» тоже выдвигался в плавание. Корабль со споманым рулем неудержимо несло к земле. Оторвался один якорь, за ним другой. Не радость несла земля кораблям, а гибель. Все ближе рифы. И вдруг океан мягко поднял в своих лапнях обессиливший пакетбот, перенес через огромные торчащие камни и опустил в спокойную лагуну.

...Мы подошли ближе. На высоком берегу блеснул белый крест. Могила Витуса Беринга. Там, в яме-землянке, полузасыпанной песком, встретил он свой последний день. Может быть, день тот был таким же бессолнечным и штормовым, как нынешний. Стоит на высоком берегу крест —

**У ПРИБРЕЖНЫХ СКАЛ — МНОГОГОЛОСЬЕ ЧАЕК.**

**ОТТО ШМИДТ — РУКОВОДИТЕЛЬ ГЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ.**

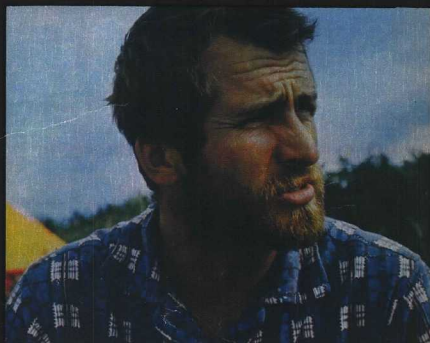
памятник и одновременно символ отваги русских мореходов, первым переселивших океан в этих местах.

Мы шли их путем. Шли из Петропавловска, названного в честь пакетбота «Святой Петр» и «Святой Павел». Для нас обычное плавание. Работы. А сто тридцать лет назад это было подвигом.

Скрывались на горизонте Командоры. Вот уже глаз не может удержать их — так они далеко.

Во мне родилось желание побывать на островах...

Теплоход «Николаевский» белый и праздничный. На всех палубах мелькают девочки и мальчишки, то и де-





Красота родной земли

# КОМАНДОРЫ

Владимир ВОРОБЬЕВ,  
Вадим ГИППЕНРЕЙТЕР (фото)



РАК ОТШЕЛЬНИК.

ПАЦИРИ МОРСКИХ ЕЖЕЙ. ВЫ-  
БРОШЕННЫЕ ПРИБОЕМ.

ло слышишь оживленное: «А вот у нас в «Артекке», «А в «Орланде»...»

Пионеров — тридцать. Везет их очень подвижный, деятельный парень Юра Алашкевич, работник Алеутского райкома комсомола.

Всский раз, встречаюсь, он бросает нам:

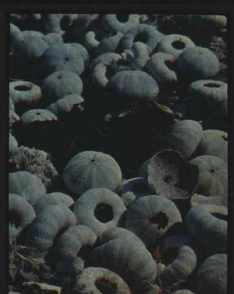
— Иду кормить детей.

— Юра, пожалей себя. Ты только и занят этим.

— Ничего, первый секретарь райкома партии сказал: «Денег не жалеть!»

— Ну, тогда детей пожай.

— В руках у ребятшек целлофановые кулечки. В них виноград, яблоки, сосиски, печенье. Кулечки эти неугодно пополняются: как же завести их домой без гостиница для младших братьев и сестриц, для друзей, они-



даножи возвращения счастливцев! Вечером оказалась полоска земли на горизонте, вспыхнула цепочка огней. Это село Никольское, центр Алеутского района.

На причале многолюдно, здесь, как всегда, всем селом встречают пародохи.

Гостиница занята. Летом на Командорском пропелась парочка молодоженов. Юра Аллашевич не успокоился, пока не устроил меня со спутником, тоже журналистом, в комнате с двумя креслами. Девушка лежала в больнице и, случайно услышав, что идут мысли для приезжих, предположил поселить их у нее.

Вчера поехали к нам в гости Саша Паль, улыбающийся хохот с вкраившим усами под Тараса Шевченко. Мы уже успели узнать, что здесь студийными строителем МГУ и что организатор Саша Паль — это командир.

— Вилку свет! — сказал он вместо приветствия.

— А как устал!

Беспорядочное радио... Саша устал валится на стул. Достается ему: и командовать надо, и с местными организационными делами устал, и полагаться приходится вынужден надрыва до блеска.

С Палем мы познакомились в Петропавловске год назад. Человек тридцать было тогда у него в гостях. Горничная гостиницы с испугом глядела, как исчезают в маленьком номере один за другим парни, и стены кипели от разговоров.

На столе красовался ананас.

На Камчатке есть яблоки, бывают бананы, не переводятся тоже, кактусы, орхидеи и помидоры. Но с ананасами, признаться, тут Саша привнес ананас не с тем, чтобы удивить, а угодить. Ну, как не полюбят такого парня!

...Паль как-то Саша рассказывает, какую проблему он, командир, должен решить. Завтра — День строителя. Намечен грандиозный выезд «на природу». Примерно в километре от села — местный пляж, напротив него — промзону, промзону пологием речью, считается праздничным днем. Но студенты отряды не льют — сухой закон. А мы привыкли на студента — значит обидеть, а селиться надо и себя тоже. Как-никак, имеют и студенты МГУ к делу строительное самое прямое отношение.

Палько, пойдешь — решил Саша. — А как только выступит последний оратор, сойдемся.

...Да, и такие вопросы встают перед молодыми учениками и командиром Сашей. Каким образом, задумав судобить на Командоре, чтобы оставить свой след в виде отремонтированной больницы и достроенной наконец-то школы. В прошлом году он работал на камчатском Севере.

— Жилье строили, школу и, как охоту, курятник! — отчитывался он по осям.

Может, тамшние люди никогда не забудут его учеников, трудов по физике, но работу попутно будут: есть пиццерия, есть кумы и всегда в продаже яйца.

Под осямим то и дело проносятся машины.

— Наш! — определил Саша. — Хижины и биологи отремонтированы. Теперь исправно работают. А строители списывать их собираются.

Строительный командир знает тонкости. Ор Аллашевич слышал о том, что ходит слух, будто Паль и не физик вовсе, а инженер-строитель. Для того чтобы дела Саша этого не открылись.

На сплне его строитораждской туши красуется пара котиков и надписи: «Командорский». Собирается поездка — улыбаются Саша. — В университетиче научится разговору, где где побывал. Я гордо

показу сплну. Пусть читают и завмудют!

Да. Он будет гордиться тем, что побывал на Командоре. И не туристом, а строителем.

— Ты спишь, с чего начинается Родина! — говорит он раздумчиво. — С березки, там, с клена, с буденовки. Все это так, конечно. Но самое главное — Родина! И ты в том краю, что чувствуешь себя частью рабочего народа. И тот край, где работаешь, становится тебе близким, как родная земля. И ты в том краю, о тебе не чужды людям. Я это на Командоре понял. Как говорится, чем дальше, тем видней.

\*\*\*

Наши сейнер поехали к самому дальнему острову Командорского архипелага — к северному мысу острова Медного. Промысловый сезон закончился, и надо было съездить к Берговым звероубам.

Из дамских стоек выскочил в горах. Вилка великая огромная лестница в четыре ступени. Звероуб, захватив помыток, испешно спустился по канатной лестнице.

Он спускался и оглядывался бере, где огромные скачки еще пытались сохранить видимость порядка. Скачки горько рычали на сынок, не разрешая им покидать территорию, завоеванную под гарем в начале лета; необходимою косились на спускающегося — злополучных котиков, что ныряли на отлогом берегу, сползали в волны и потом, неуклюже перебарывая спябеленный ластаны, выбравались на твердь.

— Но соседняя жила уже была в проломе. Котики собрались в океан. До будущего лета никто не уберет их здесь. И потому звероуб возвращался домой, на остров Бергинга.

— Какой среди них Алексеев! — стрелся я.

— Кто сейнера, вглядывался в людей на берегу, ответил: — Не видеть... Наверное, не успеет с ним... Но к ночи еще сейнер покинул остров.

— Я был нахлыном о здешнем руководителе промысла Виталий Алексеев.

Четыре года назад трое выпускников Иркутского пушного техникума приехали по распределению на Командорский звероубкоманд. Один вскоре уехал, не взяв расчета и даже не попрощавшись с друзьями. Второй работал в издательском цехе комбината. И только третий, Алексеев, стал мастером промысла, и ему доверили считать дальние лебещицы.

Прочие друзья Алексеева в здешнюю жизнь. Став коммунистом. У него поживался семья: жена Настенька и двое сыновей.

...сказали, что когда начинается промысловый сезон, звероуб-алеуты, и старые и молодые, просят и Алексееву, хотя в это же самое время молкуются есть несколько бригад.

\*\*\*

— Виталий поначалу принимал сдержанно. Какой-то люди не приезжал на Командорские острова. Надо разглядеть.

Правда, Алексеев с первого дня шел к делу азвася, зачет сразу влезть во все. Алеутский язык учить принялся. Как это по-ашуму да как то! Гляди, уже в разговор местные люди с Алексеевым ставят. Кто ж, мысля так начинают.

На промысле случился затор. Алексеев показалось, что звероуб Командорский.

— Сейнер, сейнер! — звиричил он, подбегая к двум старым промысловым котикам, которые сигналили шкуру с уни-

того котика! — Комлихтат надо, комлихтат!

Грянул дружный смех.

— Ну, что! — опешил Алексеев. — Подрастай, говорю, надо. Старше будет усматривать.

— А комлихтат, приятель! — это, по-нашему, стрелеть.

Зависел красной Алексеев. Вспушину на нем размычал стало. Он пошел с лебещицы. Атак и надо! Дешевый авторитет тотки заиметь. Что они, не поехали бы по-русски! Везер поехали сав троим. Был Виталий вездесущим, сутелся, его голос разносился далеко по лебещице а толпу немалого быта. Алеуты же работу выполняли спокойно, не торопясь. Но странное дело — они все успевали. Только поначалу не умел выдуть этого молодой мастер.

Везер поехали, казалось, ему, слышному медленно спускаются на лебещице. Котики забеспокоились. Сейчас они лягут в море. Алексеев обогнал бригаду, забрав к студу со стороны моря, замазал руками, отпугивая зверь от воды.

Стадо шарханулось, но огромный рыжий сейнер, встав поперек, упрямло пошел на него. Отгнанный Алексеев. Подогмо было далеко. А глаза сейнера четко держат человека, клизма устрашающе опешили.

— Не вылезай! — Алексеев позанился. Под ног пошел камень, он залпнулся, выскочил, не успев.

Однако в последнее мгновение, зарожившая его, метнувшись к сейнеру проворней тем, и зверь отступил. Алексеев, умигивая конком промысла, когда слыл поубавился, а усталость нашла тело до краев, не захотелось звероубу пойти на лебещицу. Подулавшись, денек можно и отдохнуть.

Светило солнышко, а оно редкий горы. Мужички сидели у дома, наслаждаясь теплом.

— Ибаро! — оваривал понолтой звероуб Алексеев. — Зра спуститься да подниматься. [Все-таки четверть ступеней. Да еще несколько миль на отлогом тале.]

— Поужай, ты неправ! — ответил Алексеев.

Звероуб молчал, уставясь на нахлынувшего, встав поперек море. Остальные сумрачно жевали лемешину, смесь табака с древесной золой.

— Ну, пойдете, — сказал Алексеев и зашагал а лестнице. Остальные сидели. Виталий же не оглядывался. Поудат за него!

— Пригласил дружку подниматься нужным. Остроумно: «Одноко погода самый раз...»

В старину звероуб жили в улоках [так назывались легкие юртыши] везасет с семьями. И сейчас еще везасет с семьями, но нечет да немязуют домашние: пострить, помочь поварке. В те первые дни Виталий сезон часто гостил и Настеньку, и ее сыновей. Брат Аршине у нее здесь был звероубом, мать Ольга Сергеевна — поваром. [Она знала толк а поварском деле. Недаром везасет с семьей везасет, везасет нежизня, выпрашивая у нее рецепт старинных кушаний и потом публиковали в газете.]

— Ольга Сергеевна — содая, осяннате, везасет. Ее все спущились. Брат — Молодежный, но старинный казался взрослому, исеченный везасет, нравне с сынами сплывшими, но везасет Настенька походила на мать. Черноглазая, лодная, как Ольга Сергеевна в юности. Она только что окончила в Петропавловске торгово-кооперативный техникум. Сослуживца в городе по горам и дупом.



...Однажды, проходя мимо дома Григорьевых, Виталий услышал песню. Негромкую, мелодичную. Углубил в окошко в комнату полуголодных девушек, и с ними Григорьевы-старшая. «Девчонки, что ли?» Слов Алексеев не понял. Только разобрал — гагитация, агитация. Но от песни этой тронно взволновало сердце.

На другой день, встретив поварку, спросил он, что означает гагитация.

— Дружок, — ответила она. — Песня у нас есть такая.

— Я слышал, вы всегда с девушками пели.

— Это мои дочери, у меня их восемь...

Вскоре одно из них, Настенька, стала женой Алексеева. По островному обычаю подарил молодым самовар. И квартиру дал. С паровым отоплением и ванной, обыкновенно по нынешним временам квартиру в селе Никольском.

Первые зиму Алексеев работал управляющим отделением звероубкоманды на острове Медном, в старинном селе Преображенском. Настенька работала в магазине. Известно, у промысловиков зимой свободного времени много. Заработанных за лето денег тоже хватает. В расчете на это районное начальство по торговой части не скупились на спиртное, за счет чего перевыполняло план.

Партийные органы поддерживали его, в Преображенском магазине появились невандные дотопе товары.

...Село занесло снегом зима. Бушевал океан. Алеуты был оторван от всего мира. Но звероуб поначалу не делала, женщины выделяли шкуру — работы на всех хватало. А к январю управленческие, за ним все жители Преображенского сходились в клубе. На Медном появились художественная самодеятельность. Настенька тоже походила на мать. Черноглазая, лодная, как Ольга Сергеевна в юности.

Она только что окончила в Петропавловске торгово-кооперативный техникум. Сослуживца в городе по горам и дупом.

— Ольга Сергеевна — содая, осяннате, везасет. Ее все спущились. Брат — Молодежный, но старинный казался взрослому, исеченный везасет, нравне с сынами сплывшими, но везасет Настенька походила на мать. Черноглазая, лодная, как Ольга Сергеевна в юности.

Она только что окончила в Петропавловске торгово-кооперативный техникум. Сослуживца в городе по горам и дупом.





АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ЦЕНТР КОМАНДОРОВ — СЕЛО НИКОЛЬСКОЕ НА ОСТРОВЕ БЕРНИГА.

КОМАНДОРОВ — СЕЛО НИКОЛЬСКОЕ НА ОСТРОВЕ БЕРНИГА.

\* \* \*

На спине парня устроился огромный рюкзак. Давно не строганные седые кудри вылезали из-под маленькой шляпы. Шевелера делала его малолетним. Он шел согнувшись и низко опустил голову. Скользя из отсутствующим взглядом по мову орку, по мне, не узнав, пошел дальше.

Хорошо, что не узнал. С кем, с кем, а уж с ним-то встретиться не хотелось. Нескольким лет назад мы работали в одной газете. Однажды он поехал на Командоры, пробыл здесь и не выдал ни строчки.

— Пишем, пишем, а что толку? Я

решил бросить газету. Буду заниматься котиками, — сказал он.

Благо по образованию, он и принял младшим научным сотрудником в Тихоокеанский институт рыболовства и океанографии. Большую часть года стал пропадать на острова.

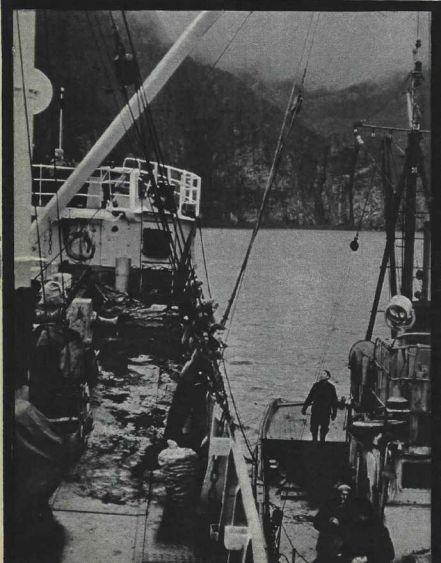
Мы, гатечники, оскорбившись за нашу профессию, перестали с ним общаться. Но в селе, как на корабле, трудно разминуться. Я знал, что мы встретимся.

В столовой о с легкой улыбкой подошел ко мне.

— Приветствую прессу.

— Зероков, Федор, — ответил я без энтузиазма.

ПИСРОВ ЗДЕСЬ НЕТ. ВЫГРУЗКА С БОЛЬШИХ СУДОВ ПРОИСХОДИТ С ПОМОЩЬЮ РЫБоловческих СЕЙНЕРОВ.



— В гости не приглашаешь!

Я покал неопределенно плечами.

— Но, момент, все-таки последние часы!

Видно, ему необходима была эта встреча. Может, он хотел бы наконец-то поговорить.

— Одно моего здешнего жилища выходит на лагуну. Широкий полукольцевид зависает над ней холмистый зеленый берег. Вода лагуны почти спокойна, что холмы лежат на водном зеркале, точно отпечатанные.

Смеркалось. Затуманивался, торчал отсветы дня, нависая темной. Лужи воды спокойно светятся, вбирая остаток дня.

Федор то и дело вскивал, давил половым тяжелым башмаком на рубчатой подошве. Поднимал себя часто и звонко позванивал ложечкой.

А я глядел на вечернюю остров.

— Тебе трудно представить, что мыслят и, сотрясаясь вадате от подей, на пустынной онеочности Медного. Выяснил каждую неделю ходить в гости к оринтологу. Двадцать километров по горам. Почти день убивал, чтобы добраться в один конец. Потом они уехали. Я остался совсем один. Жил в маленькой турро-ротской палатке, где можно было бы спать. Буду думать на про-рисуле. Однажды впервые в жизни испытал ужас. Люди часто произносят это слово, но мало кто знает, что означает оно на самом деле.

В комбинезе я лезел плавать прыгунка, закрывая его спиной от ветра. Загородил ладоном, давая окрепнуть. И вдруг из-под руки увидел страшную, ободранную морду, которая танцевала и плакала. Давление зашло. Я не мог повернуться. Морда ткнулась носом в огонь, обоглосла и исчезла. Это был бес, облизав, осенний пещер. Целый день не мог уснуть. Потом, много спустя, привик, освоился. Уверовал, что меня никто не тронет, не съест.

В шесть утра в дождь не дождь, в любой ветер, ходил в заполозиз из палатки и шел на лебиде. Несколь-ко часов считал котиков. Свечкой отдельно, самок отдельно, «черныш-ки» — детеныши — отдельно. В обед снова шел и вечером — то же. Кто-то из них ушел в море, на смену вышли на берег новые. Не думаю, что это так просто — считать, из там в среднем три с половиной тысяч быков.

...Зимой в институте у нас утром и вечером кто-нибудь из начальства, случайно вродя, стоит в вестибюле. Наблюдает, кто во сколько пришел, кто когда ушел. Меня это раздражает. Хочется опаздывать и уходить раньше, назло. А здесь никого вокруг, а ты сам сорвешь на лебиде, и твой рабочий день, нависший ранним утром, когда в город еще спят, заканчивается поздним вечером. И одно удовольствие и развлекание у тебя веревка сна — прыжок. Но в последние недели появлялись слушать себе лишь последние известия: батавер катастрофических садится.

Федор останавливается рядом со мной, прижимается лбом к стеклу. — А знаешь, один раз я все же показывал, что я не в газете. Зверобой завалил кровати. И что ты думал? Сетки полуторные, а спинки дурацкие. Додумать же надо! Ох, как затежилось мне отхлестать эти хозяйственные! Наверное, у меня получится бы такой материал, что вы тут же вывели бы на доску лучших. Я-то воюю, что ни разу этой чести не удостоился, потому что был посредственным журналистом, и ни разу, пожалуй, мой материал не ошел в головах у читателей. Иногда в билис днями и ночам над статуей, а сдвиг, тревожно ждал: вдруг придет отклик. Но так и не увидел я ни разу читательского письма по по-

воду моих писаний... Теперь в общил-ся у меня есть телевизор. Ком. Мож, понимаешь, моя работа. А знаешь, как в утритуре дом поставит! Ди-ректор зооаромбиона, выполняя указания свише, прислал строение, чтобы сделать нормальное по-латку. С полом, на столбах, с печкой. На строительство дома директор не согласился: дорого. Ибрета, — сказал я строителю. Но он осин надоев-мать палатку. А куда складывать тент, печь, кровати! Сами видите, необ-ходим сарай. Так появился у меня дом. Только до печи-тушлы, как ешевнера. Бревно засунулся в его только и хваляет, что чайник вски-пает. А порубить у берега поапан-ка проты! Робинзону было легче... Котиков и не считал, не состою, не знаю. Неизвестна величина стада. Тайной покрыто пребывание котиков в океане. Где зимуют они! Кто ведет их именно на Командоры, предби-щаль Я вместе с другим хочу отве-тить на эти вопросы.

Первое время я пугался котиков. А ведь надо было спуститься подо-дти к ним вплотную. Как мне помешит их! Подожку... Протги-ваю на шесте банку с красной козю-ни гарена. Он похонзат, скривится, отшатнется. Но если не достанет моего народу. Геолог, оринтолог. Время от времени мы сходился в Преобра-женском. На почте. Письма там оказываются даже с картинками и алграммы. Но для нас в них та же новизна, что и в день, когда они были посланы.

У нас здесь в большинстве мушкетера до тех герой среди нас, тек это Людв Фирсова. Это мы, муж-чины, полные сил, перед нами, хруп-кой и молоденной!

Людв тогда признавал на Мед-ный в грте над водой, в нескольких километрах от Преображенского. Добираться до крайнего участка из села было утомительно, а ей приходилось несколько раз в сутки взо-двигать ящики чарка.

Однажды разгласил отчет. Мы оказались дома в селе. Что будет с Людвой! Она запрета воды, не сможет выжить. Но это еще полбеды, вдруг волны захлестнут грот! Пом-чались к ней. Спустились на веревках. В гроте вода. А Людв сидела в ко-мочке, забилась вглубь и сидит.

«Испугалась!» — спросили мы, вы-тащив ее.

«Не очень. Пережидала непогодю». «Неужели ты не понимаешь, что тебя могло затопить, что ты могла погибнуть?» — сказала, что-то зло.

«Правда!» — И глаза у нее были такими навмысли и одновременно pienoаионными...

А сейчас она живет на Арелье как-ка. Все так же — Федор поехал на маленький остров, уже чуть замет-ный в океане. На острове нет пить-евой воды. Проходящие сейнеры забирают об этом, и все ребята забо-тятся о Людв.

Федор помолчал, а потом решил сделать мне подарок.

Истину, как раз сейчас лезовит ей воду. Если попросишься, могут взять с собой. Напишем...

Арий камень шайкой вымстил над волнами. Он весь успил птичьими. Едва шпона протала и наша группа начала подниматься по огромным глыбам, как все птиче население поднялось в воздух и оглушило нас неистовым криком и повоном крыльев. Замелькали, зарбяно по-вред глазами. Небо точно потемнело...

На небольшой площадке из снега вверху сидел стовая палатка. Над жидкой немногоя доушка, рымьча-лка, в очках.

— Я сразу услышала, что ко мне

гости, — сказала она негромко.

— А ваши друзья вроде не рады. — Мы живули на небо.

— Конечно, им вторжение человека несет массу беспокойства. Территория между птицами давно и жестко поделена. А тут они всполошились, птенцы разбежались, их бьют на чужих участках, прогоняют. Родителям стоит большого труда отыскать детенышков.

— Люда Фирсова, закончив аспирантуру при Ленинградском университете, работает во Владивостокском биолого-почвенном институте. Занимается бесполовыми чинами, это наиболее неизученный вид. Люда увлечательно рассказывает о повадках топорков и белобрюшек, илотов и пайр. Говорит не без гордости, что чайна-красноножка водится только на Командорах.

В глазах рябит от ирылев, в ушах звон.

«Экология чистиковых птиц Командорских островов» — так называется научная работа Фирсовой. За этим стоит подвижническая работа, поездки и многие дни и месяцы вдали от людей.

**ОЛИИ ИЗ САМЫХ РАСПРОСТРАНЕННЫХ ОБИТАТЕЛЕЙ — ПЕСЕЦ, ОБМАНЧИВЫЕ В СВОЕМ СПОКОЙСТВИИ БЕРЕГА.**



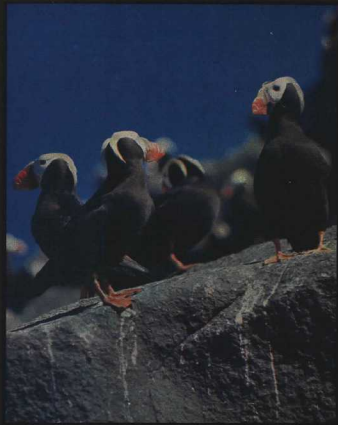




— Нет, и тяготам такой жизни я привыкла. Может, потому, что еще в школе знала: буду биологом. Конечно, бывает тоскливо. Особенно в штормовую погоду. Топорки прячусь в норы. Вон те, с увесистыми красными носами и смешными косичками. Чайки сидят, нахоленные, развернувшись грудью против ветра. Жизнь замрзает. Но шторм проходит. И вновь на острове шумно и интересно. Есть птицы, которые уже совсем не болят зимой. Когда я после зимы приезжаю, они запросто заходят ко мне в палатку. Я понимаю их иркин, сразу же узнаю настроение. У нас с ними контакт: добрые отношения. И работать мне легко...

Белый пароход, весь в огнях, появляется из ночи на рейде острова Беринга. Катерок ведет плашкоут от пристани. В селе горят огни. Теплоход — это событие. Кто-то приехал из отпуска, кто-то собирается в отпуск на Большую землю. А кто-то сейчас впервые ступит на Командорские острова, и эти острова войдут в сердце...

**ПЕРКА ИДЕТ НА ПЕРЕСТ.  
НА ПТИЧЬИХ БАЗАРАХ АРЬЕГО  
КАМНЯ МНОГО ТОПОРКОВ.  
ЗДЕСЬ ЯГЕЛЯ НЕТ — ОЛЕНИ  
СПОСОБИЛИСЬ К МЕСТНОМУ  
ПОДНОЖНОМУ КОРМУ.**









Игорь  
РОМАНОВСКИЙ

Фото автора

# БЕЖАМ НИТЬ НА ЗАВЯЗЬ

## Граница

Звон цикад столь громок, что не слышно разговора на заднем сиденье «газика». В машине нас семеро: члены делегации ВЛКСМ, которая едет в освобожденные районы Лаоса по приглашению молодежной организации Ляо Хань Санг, и товарищ Сент, наш шофер. После десятичасового пути он дремлет, склонившись на баранку руля.

Мы стоим на обочине дороги. Ее перерождает длинный бамбуковый шест с табличкой «Стоп» — пограничный шлагбаум. Перед ним пять «газиков» с нашей делегацией и группой автоматчиков. Командир охраны — молодой, веселый, бесшабашный — разговаривает с пограничниками. Одет он так: винтовочного цвета шерстяная рубашка, джинсы с широким поясом, большой складной нож в чехле, патронташ, пистолет в кобуре — в общем, с первого дня нашего знакомства он сразу же получил от нас прозвище «ляхой майора». Позже мы узнали, что в биографии этого парня несколько лет фронтового разведчика, так что, пожалуй, звание майора могло быть не только прозвищем. Из машины показались вьетнамский пограничник с нашим паспортом, Шлагбаум поднят, машина, сохраняя положенную дистанцию на случай бдительки, пересекает государственную границу ДРВ. Еще один километр «визачейной полосы» — и мы в Лаосе.

Крестьяне возвращаются с поля, несут на коромыслах в больших плетеных корзинах зелень, а за спиной — винтовки. Двое мальчишек гонят буйвола с ластовица, и у каждого в руке по короткому мечу с широким лезвием на деревянной рукоятке. Буйвол позванивает колокольчиком, сделанным из сварной гильзы. Все чаще попадаются молодые солдаты в походном обмундировании, кто на велосипеде, а кто и пешком. Замыленные наряды, выгоревшие защитного цвета ру-

башки с погончиками, скатанные циновики, через одно плечо перекинут автомат, через другое — велосипедная камера. В тазую «посуду» набивают специально приготовленный клейкий рис, запаха которого хватает на неделю, а то и больше.

Вдоль дороги, через каждые 10—15 метров, отрыты небольшие, до метра в глубину, иши — индивидуальные бомбубежища. Возле мостов они побольше, с бревенчатый в два наката покрытием. Остыв разбитых грузовиков, воронки от бомб и ракет. В некоторых местах воронки так много, что между ними не пройдет и «газик».

Дорога — один из главных объектов бомбардировок. Не только автоколонна, но и одинокий велосипедист, даже буйвол — цель для американских летчиков. О размахе вьетнамских воздушных операций говорят хотя бы такие данные, приведенные газетой «Нью-Йорк таймс»: около 3,7 миллиона тонн бомб сброшено на земли Лаоса и Камбоджи. Порой над освобожденными районами Лаоса одновременно совершалось до тысячи самолетов-вылетов, сбрасывалось не менее трех тысяч бомб и ракет.

...Стемнело. Небо в густых дождевых облаках, все ближе бесстыни молнии. Погода неетала. Машины выключили фары ближнего света и даже красивые подфарники. К месту назначения прибыли за две-три минуты до грозы. Быстро разгрузились, по длинной наклонной лестнице, освещенной карманными фонариками, перешагнули наверх, в просторную пещеру, вещи.

Звон цикад стал особенно громким. Что-то очень знакомое слышалось в нем. Журчание проводов высоковольтной линии! Чуть похоло, но не то. Сначала слышна одна трель, от низкой ноты она забирает все выше и выше, и, когда достигает произвольной высоты, ее подхватывает хор. Так, покалуп, зазвонит диск пилорамы, когда он все сильнее впиавается в сухую деревянную доску. Вдруг все стихло. Начался ливень.





## Гостиница в пещере

Будильник я поставил на пять часов утра, хотел заснуть восход солнца в горах. Проснулся в чепьере от крика петухов. Но от сна мне пришлось отказаться: тучи сплошь закрывали небо. Сезон дождей.

Сырость гонимет до костей, кажется, что мелкие капли влаги замораживают летнее. За ночь наша обувь и одежда набузли, покрылись зеленоватой плесенью. Влажность воздуха здесь доходит до 90 процентов. Зябко. И это при температуре плюс 28—29 градусов! Даже летнюю одежду в условиях такой влажности губительно. Местные жители говорят, что когда зимой температура падает до плюс пяти градусов, буйволы не выдерживают, гибнут. Но сейчас относительно тепло, и эти черные и розовые валлики спешнобю пасться в редком кустарнике недалеко от входа в пещеру.

Когда-то здесь был густой лес, но после интенсивных бомбардировок остался выжженный пустырь, и лишь редкие голые столбы деревьев уцелели у самого входа в нашу гостиницу-пещеру. Ее название «Миттапап» («Дружба») выбрано не случайно. На скале надписи на многих языках, говорящие о том, что тут уже побывала не одна зарубежная делегация.

На дверях нашего «отеля» нет привычных вывесок, впрочем, нет и самих дверей. Вход перегорожен бетонной стеной — надежная защита от осколков и взрывной волны. В глубине пещеры три «комнаты» — две большие и одна маленькая. Деревянные кровати с цинковыми и валликами вме-

**РАСПОРЯДОК ДНЯ В УЧИЛИЩЕ НЕИЗМЕНИТ: ГЛАВНОЕ — ВОЕННАЯ ПОДГОТОВКА.**

**В ГРАЖДАНСКИЙ ГОСПИТАЛЬ ПРОВИНЦИИ САМНЕА ЭТОТ ХИРУРГ ПРИШЕЛ ШЕСТЬ ЛЕТ НАЗАД. СЕЙЧАС 34-ЛЕТНИЙ ГЛАВВРАЧ ГОСПИТАЛЯ ПОИМОК В СЛОЖНЕЙШИХ УСЛОВИЯХ ДЕЛАЕТ ОПЕРАЦИИ ДАЖЕ НА СЕРДЦЕ.**

**СЕГОДНЯ В ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОМ УЧИЛИЩЕ ПРОВИНЦИИ НАВИТ БОЛЬШОЙ КОНЦЕРТ: ВЫСТУПАЮТ СОВЕТСКИЕ АРТИСТЫ. А ЭТИ ДЕТИ ВПЕРВЫЕ В ЖИЗНИ СТАЛИ ЗРИТЕЛЯМИ.**

сто подушек покрыты москитными сетками. Обеденные столы сервированы к чаю, без которого здесь не начинается ни одна беседа; он утоляет жажду, бодрит и, как говорит хозяева, придает ясность мысли.

У нас вострена с лучшими молодыми воинами Н-ского подразделения Народно-освободительной армии. Все они являются членами «Ударных отрядов» — передовой части мощной организации Ляо Хай Сяй. У многих на груди боевые ордена и значки «три хорошо», которыми награждаются воины, отличившиеся в бою, на трудовом фронте и в учебе.

Рядом со мной сидит застенчивая девушка. Востала 16 лет, из них три года она уже в армии. Сначала была связной и партизан, потом служила на артиллерийском складе, затем — дальномерщиком 82-миллиметрового орудия. Ее батальон, в которой только десанник, в феврале 1970 года приняла первый бой и с тех пор не раз участвовала в жестоких сражениях. Смотрию, слушаю — и все равно не верится, что эта миниатюрная девушка метким огнем оставила врага танковой атаке врага.

Медсестра Умьман. Войдет с 1965 года. Окончила медицинское училище, работала в госпитале. Ей было всего 15 лет, когда она вынесла из боя своего первого раненого.

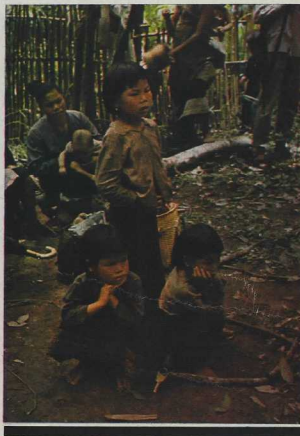
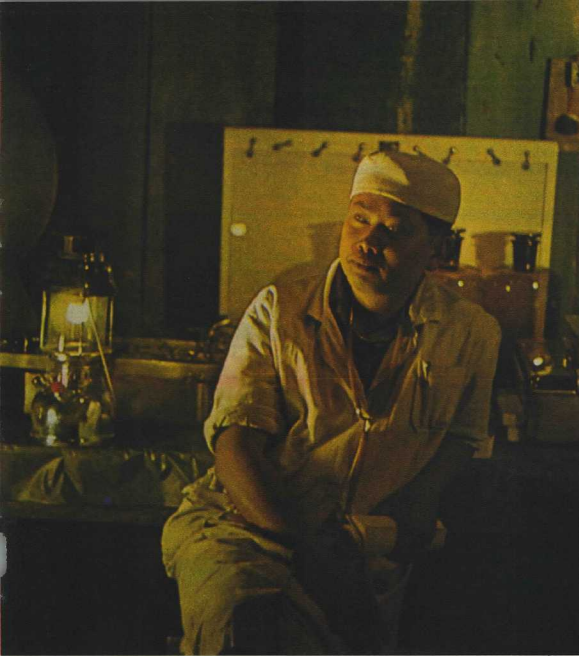
— Какой самый радостный день? О, их много, не сосчитать. Я вообще не узнаю, даже когда бомбит. Чем хочу быть? Врачом. Хотела получить высшее образование в Советском Союзе. Понимаю, сейчас не время об этом думать, но вот кончится война...

— Вы любите детей?

— Да, очень.

— Чем бы вы хотели видеть своего сына!

— Пока идет война, родные нужны солдаты, и пока мы не победим, будем растить своих сыновей хорошими солдатами... она смеется и пока-



зывает на высокого худощавого парня — танкиа, как Куду.

Вокруг проваленного зенитки собралась большая группа.

Это было здесь, в Самие, в июне 1965 года. Даже записаны 25 минут. Наша зенитная батарея отражала налеты американских бомбардировщиков. Двадцать часов подряд. Волна за волной шла на нас «В-28» и «F-105». Кончались боеприпасы, немцы было поднимали пыльную бурю и оружие не приносились — так оно расклевало от стрельбы. А тут еще осколком разорвало замки. Самолеты пикируют, а мы влетером ушли на пярете и поудра над замком. Косынки стрелометрали и снава в бой. В тот день мы сбили три самолета противника, а всего на счету нашей батареи — 104.

— Кто ваш родитель, Куду?

— Мать — крестьянка из провинции Луанг Прабанг.

— Наверно, волнуется за вас!

— Она не знает, что я воин. Так ей легче.

Спокойный разговор, без всякой рисовки, просто, обычные слова, но все это навсегда останется в памяти, все это мы увезем на Родину. Мы привезем с собой и необычный сувенир, подаренный нам командой американской авиации «Ф-105», один из боевых трофеев, добытых авиаторами при разгроме американских и маринетовских войск на дороге № 9.

О героической победе Народно-освободительной армии в этой битве подробно рассказал нам Председатель Патриотического фронта Лаоса принц Суфанувонг.

Операция «Лашонг-19» тщательно готовилась несколько месяцев, план вступления был утвержден президентом Никсоном еще в январе 1970 года. В этой операции приняла участие свыше 40 тысяч солдат и офицеров противника, более двух тысяч самолетов и вертолетов, сотни танков и бронетранспортеров, мощная артиллерия. И вот итог очередной авианавис: выведено из строя 15 400 американско-сайгонских захватчиков, взяты в плен тысячи солдат и офицеров, уничтожено 500 самолетов и вертолетов, 318 танков и бронетранспортеров, 144 орудия.

«Красный принц» не только рассказывает о борьбе мужественных патриотов Лаоса, свое особое внимание обращает на жизнь советского народа, особенно молодежи, расширяет ее членам нашей делегации, отмечает значение братской помощи Советского Союза и других социалистических стран, говорит о поддержке справедливой борьбы Лаоса международным рабочим движением, всеми прогрессивными силами мира. Принц Суфанувонг говорит об огромном значении решения XXIV съезда КПС, в частности, об объединенном съезде «Свобода и мир народам Индонезии».

Вечером наша художественная группа дает концерт в Большой пещере. Ставакитовые гирлянды свисают с каменного свода над зрительным залом, вместимости 2 500 человек. В основном это бойцы соседних подразделений.

Дизельные двигатели не могут осветить всю пещеру, и лампы горят только на сцене. В оркестровых ящиках и в двухэтажных рядах от неразорвавшихся бомб стонет пальмы. Девушки в национальных костюмах раздают чай и сигареты. Для многих это первый в жизни концерт советских артистов.

Понятию и волнение наших ребят. Первое выступление на земле Лаоса... Как прыгнул! Что будет пользоваться успехом! От чего отшатнется!

Всплески оказались напрасными. Каждый номер полупрозрачной программы прошел, как говорится, «на ура». Впрочем, это определение не совсем точно. Дело в том, что реакция зрительного зала в первый раз даже сыграла артистов. Номер прошел, но зал молчал. Певца кланялась при гробовой тишине и ушла со сцены под звук собственных каблучков. И лишь спустя несколько секунд раздался возглас — и зритель аплодирует. После концерта нам объяснили, что все было настолько потрясено удивленным, что просто забыли хлопнуть. А потом уже зрители прожвали овачей и солоник краснойгорной ансамбля тибца «Сибирь», и другие артисты ансамбля АССР «Лопан», и заслуженную артистку Бурятской АССР Клавдию Бадмаеву, и московских артистов цирка и эстрады.

## Арена в джунглях

Далеко проехать было нельзя, и двухкилометровый путь по едва приметной тропинке в джунглях мы прошли пешком. Цель нашего похода — община Монг Пуя, где разностиле... широкое ущелье. Да, в джунглях уже не царят шаткие строения, кровопролитная война, где все подни-

но лишь одной задачей — победой над врагом, существовавшего это мирное военное заведение. И рядом со мной, через джунгли, идет один из воспитанников училища — Кхамсук.

Училище было создано в 1966 году. Почти из всех провинций освобожденных районов Лаоса группа энтузиастов-преподавателей отобрала 25 наиболее способных мальчиков и девочек. Первыми спортивными снарядами были ветки деревьев, канатока сплута уграбованная полая, тарапца и канаты были свиты из лыж. Из длин-



МЕДЕСТРА УММАЛН: «Я ВООБЩЕ НЕ УНЫВАЮ, ДАЖЕ КОГДА БОМБИТ...»

ЗЕНИТЧИК КУДУ: «В ТОТ ДЕНЬ МЫ СБИЛИ ТРИ САМОЛЕТА ПРОТИВНИКА...»

ЕЙ 30 ЛЕТ, ЕЕ ЗОВУТ ЧАМПА, И ОНА БУДУЩЕЙ «ЛЕДШИКЕР» ПЕРВОУЗНАКОМОВА С ЭТОЙ ПРОФЕССИЕЙ ОНА УЖЕ ПОЛУЧИЛА В ВОЯХ.



ных бамбуковых стволост мастерили настоящие цирковые шесты — перши, кузурные початки пошли в ход вместо булав для жонглирования. Ребята сами построили в лесу спальник корпус и учебные классы, сколотили столы и скамеечки. Девушки шили костюмы для выступлений (если учесть, что здесь на душу населения в год выдается лишь три метра ткани, то эта задача была не из легких). В свободное от тренировок и учебных время учащиеся работали в поле. Выращивали рис, маниок, кукурузу; три месяца в год учились далеко, но само обеспечивать себя питанием.

Не раз тренировки прерывались из-за американских налетов, и тогда ребята бегали в ружьи оружие. Пять раз их училище было буквально смете-

но с лица земли, и каждый раз приходилось менять его место расположения и все начинать сначала.

В Лаосе раньше не знали цирка, но сейчас с этим искусством познакомились многие. Выступившие юных артистов уже видели тысячи зрителей. Два-три раза в месяц они дают концерты в военных частях, на фронте и в тылу, в госпиталях и учебных заведениях, приезжают, а чаще приходят пешком (с транспортом очень трудно) в отдаленные села, деревни, общины. Народ их очень любит, но не остается в долгу. Крестьяне приносят артистам на концерт фрукты и овощи, а в тот день зрители угощают и нас королевскими бананами, пареной такой, манной, клейким рисом, завернутым в пальмовые листья — нежными погребам тростника.

Концерт был назначен на два часа дня, но зрители стали приходиться с самого утра. Располагались общинами, по-семьиному. Все было парадно одето. Национальные костюмы гостиница — это прямо-таки выставка мод. Вот девушка из народности лао сунг: длинная юбка, синяя в полоску, а внизу, широким с ладоном, вышитый орнамент. Чехлянский браслетик; короткая черная бархатная курточка; массивное серебряное кольцо на шею; волосы гладко зачесаны в узел на затылке [вообще женщины разных племен здесь, как правило, собирают волосы в узел, но располагают его либо на затылке, либо на темени, либо на виске, или даже на лбу...].

Среди зрительки видны монахи, на лет по 20—25. Они чинно устроились в первом ряду и в беседе с нами не принимают участия. Многие острожные головы, оранжевые или желтые лампадцы — судя по всему большому монаху. В Лаосе издавна существует обычай: монахи должны в какой-то



период своей жизни побывать монахом. Срок послушания каждый назначает себе сам, от нескольких дней до года. Это одна категория монахов. Другая — бонзы-монахи, посвятившие себя религии на всю жизнь, почитаемые в народе. Как правило, это образованные люди, изучившие не только теологию, но и литературу, медицину, прикладное искусство. В стране, где раньше школы можно было по пальцам пересчитать, буддийские монастыри служили рассадниками культуры и науки.

Сейчас Патриотический фронт Лаоса, политика которого направлена на союз всех антиимпериалистических сил, проводит монахов к активной общественной деятельности. Монахов приглашают учиться в педагогические и медицинские училища, и те, кто, пришли на концерт, видимо, так поступили.

Программу решили начинать досрочно: авдаке показались грозные тучи. В первом отделении выступили советские артисты, во втором — ребята из циркового училища. Особенно запомнились акробаты на первом. В синтетическом зале они залезли вверх по гладким вертикальным шестам на один этаж, бросались с десятиметровой высоты головой вниз, держась одними ногами, и мгновенно оставались в 15—20 сантиметрах от земли. Каждому доходящему артисту приходилось выступать в нескольких амплуа. Так, мой знакомый Кхамсук — акробат, клоун, мим, жонглер, веплофигурист и укротитель змеи.

Сейчас даже преподаватель училища отправился в дальние провинции. Их задача — во-первых, отобрать новых учеников и, во-вторых, самим кое-чему научиться. Дело в том, что в дальних горных племенах еще можно встретить интересные праздничные обряды и ритуалы, некоторые из них представляются собой довольно сложные фокусы. В цирковом училище уже решили включить в программу номера, цель которых — строение на таких элементах народного искусства.





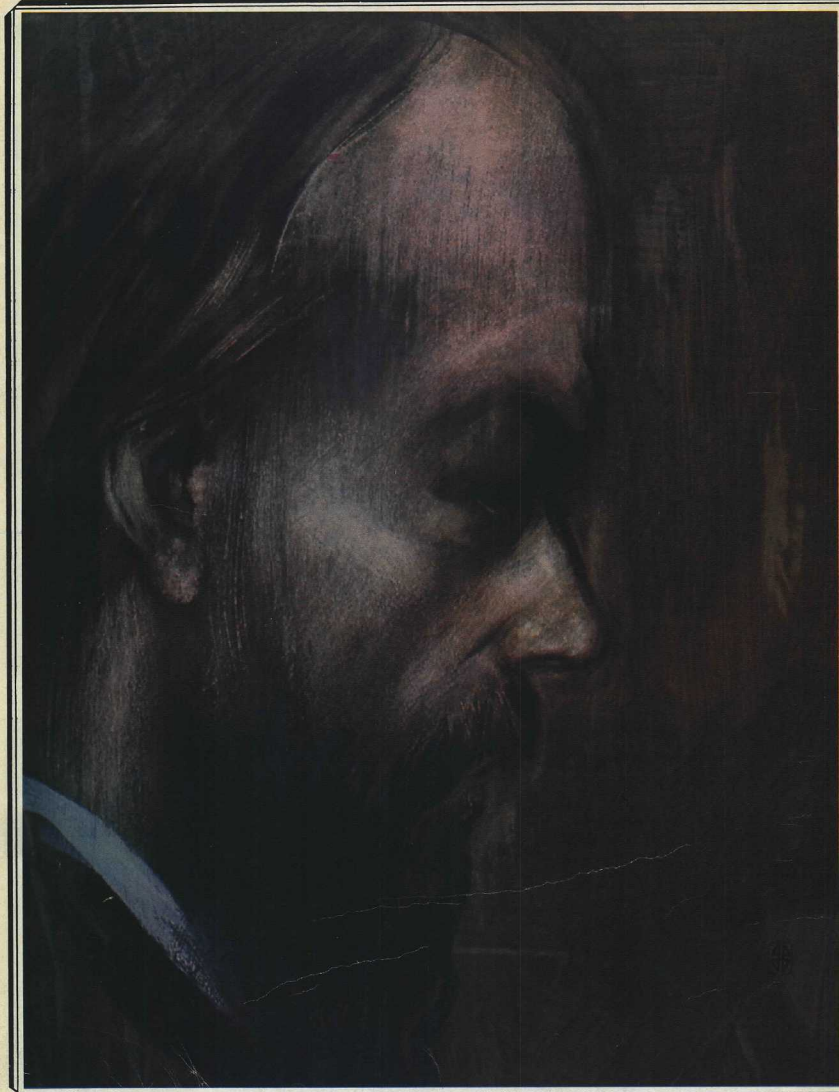


Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА



Этот год в литературном мире будет годом Достоевского. Будет о Достоевском спорить. На Западе многие будут доказывать, что Достоевский отчаянно поднимал души каждого человека, что он тайноядец атеистических и преступных и в то же время каждому присущих качеств. Будут говорить, что он великий христианин. Будут говорить, что мы пошли не по пути Достоевского, а тем не менее прозвудели его юбилей — как бы понаивое.

А другие будут говорить, что Достоевский сам был революционером, участвовал в заговоре петрашевцев, привнес в них казни.

В Белом халате и в кожане смертешной жестокости моряк стоял на Семёновском плацу, слыша приговор, ждал расстрела и, как писца об этом через несколько десятилетий, на знафоре считал себя правым и ни в чем не раскаявшимся.

Будут вспомнить о том, что Белинский любил, поклонился молодому Достоевскому, потом поссорился с ним. Будут вспомнить, что революционер Достоевский был приговорен сперва к смерти, а потом к каторге за то, что он на собрания читал противоправительственное письмо Белинскому в Голембе. Это было писаное, пересматривавшее во русскую историю, говорящее об атавизме русского народа и о будущей революции.

Будут вспомнить, что последние годы жизни Достоевский по-иному и по-каждому, по-прежнему заговаривал о Белинском и Некрасове, что он участвовал в полородах Некрасова, ставил его рядом с Пушкиным как поэта и отвечал молодому Плетанову, сказавшему, что Некрасов выше Пушкина: «Нет, и выше, и радше».

А между тем этот человек, с такой странной, тяжелой судьбой, такой бедной человек, загнанный, странно работавший, этот гениальный, у которого не было денег на еду — он жила за границей на малом же, а в России убрал одного из издателей, чтобы ему дала 15 рублей авансом, — этот гениальный человек к явным реторгам Победоносцеву и был его гением. Этот человек написал роман «Беса», а это был роман про революционеров, заблудших революционеров, заговорщиков, которые в своем гонимом, в котором он товарищей, считая его достоянием. Но и про этих людей Достоевский говорил по-разному.

В конце романа киношники читают Емшанова, в котором рассказывается, как Христос исцелил бесноватого и вслепа босая в слезы, а слепые бросились в воду и потонули. И албарца, считавший себя отцом писателей, и чем он, вероятно, ошибался, бесам называла молодое поколение, которое шло на гибель, на каторгу, причем Достоевский знал, и понимал, и писал,

и печатал, что Нечетовым он не мог бы быть, а нечетовым мог бы быть.

Что же это был за человек и почему в «Дневнике писателя» он напечатан («Он смешного человека», где рассказывается о самобытном, который возростал в гробу, когда на него там начал падать капля холодной воды, когда мир кончался всей своей историей, и в частности историей одного человека, мертвым гробовым тулупом, и тут внезапно сила взяла человека из гроба и воскресла, и поставила на некую вымышленную землю, где не было ни семьи, ни собственности, ни революционной, где люди были ставлены, где был рай утопистов, тот рай, тот золотой век, который снился еще Дон Кихоту. И смешной человек, современный Достоевскому, разрабатывал этот рай, да его обитателями темные мысли, и собственности, и ревности. Они погибали и были довольны, а он просил, чтобы они его раскали, и узнал их, как сардель крест.

Этот темно-светлый рассказ не понять, потому что если человек считает себя христианским, то почему так на дельской и божественной земле, он растерялся души людей, а затем берет заблуды бога? И почему этот самобытный, неудачник, мертвец принимает на себя судьбу божьего сына?

У Достоевского не сходится все концы.

Хочу написать об этом и этот год, полагаясь привычкой не раз додумывая свои мысли до конца и по-новому.

Невнею Достоевского было слышно его веры.

О своем неверии он писал и с каторги и говорил в последние годы.

Есть запись А. Н. Любимовым, что первоначально Великий инквизитор не был показан как представитель, а именно по католической церкви; он был показан как представитель христианизма.

«Каково убедила Достоевского переделать, несколько фраз... И, между прочим, вставил: «Врзу» — имя издан. Рим и меч астер».

Таким образом не было сомнения, что дело идет исключительно о католичестве. В редакции была большая спор: Достоевский даго не соглашался.

«Только я один верю в будущее трагедии (?) адамы, состоящей в страданиях, а самозащита, в сознании удивления и невозможности достичь его и... Что может поддержать исправляющихся? Натрама, вера? Натрама ни от кого, вера ни в кого!».

И обску на Негради мне приснилась: «В этом убеждает будущее поколение, которые будут безбрыстрины, придет будущая эпоха инстинкта, от (циркулю по книге Георгия Чукалова «Как работал Достоевский», М. Советский писатель, 1939 г.).

который признан новыми поколениями.

Достоевский выдал каменную стену, стоящую поперек дороги людей, и необходимость новых основ для морали.

Раскальеным заблудился на путях отрицания добра, но он отрицал добро во имя добра, спрашивая себя: почему не все счастливы? Он хотел золотого века. Души Достоевского, правда Достоевского и вера его в будущее поколение свидетельствуют, что автор «Великого инквизитора» был разрушителем царства Великого инквизитора, хотя и ходил к Победоносцеву гостем, скрывая от себя свое отрицание.

Он был разрушителем старой мифологии, хотя говорил, что если на до оставаться с Христом или с истиной, то он выбирает Христа.

Но Христос и истина непротивоположны для верующего. Он же противопоставлял Христа истине. Значит, он не был христианином.

Но повторяется трагедия Прометея. Человек описал крушение старого мира при сознании лучшего и при невозможности его достичь.

Он хотел покориться и не мог.

Уже был создан роман «Преступление и наказание». Изменилась судьба. Упала одна доля брата. Пришла слава.

Правительство как будто раскало Достоевского, считало его союзником в борьбе с утробой революции.

Дворец, стоящий на Неве, дворец, хорошо охраняемый, перестал быть жилищем врагов.

Казалось, что Прометей, томившийся на берегу моря, и ушел отсюда в Омске раскованным темер.

## II

О набережной Невы, о дворцах, стоящих на этой Неве, Достоевский писал дважды — в 48-м и в 61-м годах, то есть и до каторги и после каторги.

«Тригидия Петербурга, вернее, петербургская, бедная область, которые бесала куратор исключать свои обязанности», Достоевский думал по-прежнему.

В 48-м году в рассказе «Слабое сердце», почти в конце рассказа, когда умирает «любовный Вася», рассказчик, друг погибшего, подполз к нему, смотрит на дель «...дурно завыленную посланим туширом кровной жары, догоравшей в мгновение небосвода».

Он смотрит с Петербургской стороны, ивие Петербургской, с бедной стороны бедного, на то, что здание, выдвинутое когда-то «Адмиралтейской частью».

«Скатым воздуху дрожал от малейшего звука, и, словно вымалки, со всех кровель облекая набережные, подымалась и носилась вверх по холодному небу стелла дыма, сметаясь и распадаясь в воздухе, так что, казалось, новые здания вставали над старыми,

новый город складывался в воздухе».

Тут упомянуты обе набережные: но на набережной Петербургской стороны находится Петропавловская крепость, над которой нет труб. Дымит сотни труб другая, богатая сторона: «...разнообразные платаны, отрядой сильных мира сего, а это сумеречный час походит на фантастическую, волшебную тесну, на сон, который в свою очередь тутчас исчезнет и искурится паром к темносному небу».

Товарищ бедного Васи смотрит: «...сердце его как будто обдало в это мгновение горчим каменом кровью, вадут исквишей от принава какого-то мочугого, но доселе неизвестного ему ощущения».

Достоевский в художественном мышлении не вынадеду самоуверный Петербург.

В 61-м году в статье «Петербургские словники» в стихах и прозе Достоевский вспоминает одно простояние через дель Невы, спускается солнце, и с кровель обеих набережных поламываются и сплываются в ледяные дымы.

Достоевский пишет, что он «...как будто прозрел во что-то новое, совершенно в новый мир, мне неизвольный и известный только по каким-то современным слухам, по каким-то таинственным знакам».

Перед этим сераде уже не какого-то героя, а самого автора обдалется кровью.

Достоевский был крещен кровью невинности.

Достоевский не вынадеду парадный Петербург, записал в своем дневнике сераду строку Пушкина: «Любо тебе, Петра творенье!» — а потом продолжал: «Виноград! Не люблю его, окна, дыры — и монумент!».

Он принимал мстителя.

Достоевский о нем, сложил отношения к миру, в котором он жила, и собственности своей бедности, к обманам и удачам, в которые он не верил, и к суду грядущего будущего.

Он знал, что этот мир надо преодолеть, а как — не знал.

## III

Теперь поговорим о последних днях жизни Федора Михайловича.

Приведем цитату из дневника А. Суворина. Записи фиксируют события 1880 года; сделана запись в 1887 году, то есть по памяти.

«В день покупки Модерного на Лодис-Моховской я сидел у Ф. М. Достоевского».

Он занимал бедную квартиру. Я застал его за кружкой столяком его угостить, выпившим спиритом. Достоевский походил на дель человека, только что выплывшего из бани, с поляка, где он парился. Оно как будто, носило на себе печать нога. И, вероятно, не мог скрыть своего удивле-







Все это написано в романе очень точно.

Про Раскольников на каторге Достоевский писал так:

«Что же самого не любил и возмечал все. Его даже слова людские не нравились — почему? Он не знал तो, презирали его, смеялись над ним, смеялись над его преступлением те, которые были гораздо его преступнее».

— Ты бариш! — говорили ему. — Тебе ли было с топором ходить; не барское вовсе дело».

Достоевский не верил в топор Раскольника, но он раздвинул ненависть Раскольникову к Петербургу, этому городу роскоши и шпешет, олицетворяющему собой старую, стоящую на пороге крушения мир.

О чем я говорю так разбросано? Имя Достоевского носится над миром. В университетах, на кафедрах одновременно десятки человек читают о Достоевском, по-разному раскрывая его. Одни дают его во фрейдистском освещении, другие — в теософско-томологическом, третьи — помнят, что Христос целовал Белого инквизитора.

Старый мир, стоя около той колыбели надежды, о которой когда-то писалось у осенних проворок, переплывая много раз черновики истории, этот старый мир старается подхватить биографию Достоевского, сделать так, что его трагедия в его душе. Он хочет бы думать, что Достоевский говорил о себе. Нет, неправда. Он говорил о старом мире.

Дом горит. Старый мир стоит у порога.

То, что казалось невозможным, — неизбежно. И много было саяз. И сейчас еще приближались к тем словам, словам божьим, словам адептов, словам женщин прибивались новые, волеи каталегии, самозачинным газом выносили смыслы. Дым отбегает от глаза европейцев и американцев.

И отмечать юбилей Достоевского нам надо не как праздник, а как предупреждение, как день суда над по крайней мере как покаянию за суд.

Достоевский может отказаться от будущего. И не мог отказаться. Он понимал неизбежность революции, той, которую нельзя запретить. Он дал мир в спор, в натяжения противоречий, неснимаемых противоречий.

Противоречия ведут к революции, к порогу, через который трудно перейти, потому что это думали, записали порог человеческой истории и который нельзя обойти.

Про этот порог писал и Альбера, великий писатель, смелый философ, доктор, — Иван Тургенев. Одно из своих стихотворений в прозе он так и назвал — «Порог».

Порог был преступлением революционной мыслию.

Художественное произведение содержит в себе пути созвращения маск, выражает необходимость определенных решений.

Но художественное произведение закрепляет в себе все коалиции исследований конфликтов.

Знаменитая формула Льва Толстого «непротирание зла» родилась в тот момент, когда выяснилась след революционной ситуации.

Выражение это закрепляет и рстущее сопротивление зла и неправды: решение: что зло пройдет само собой. Но в расказе «Свечка» зло, выраженное в прикличке, коичается его, как высказывание смысла.

Зло осталось запечатленным и в сомненных великих писателях; их творчество запечатлело трудность решения, трудность борьбы и необходимость не только художественного, но и научного анализа конфликтов истории.



С английского перевода  
Н. КОЛПАКОВ

Джон СМИТ

# ПОНЕДЕЛЬНИК-ДЕНЬ ТЯЖЕЛЫЙ

**Д**жон Брайен очнулся от дурмана принятого на ночь спятивного и невольно нажал на кнопку сигнальной панели, присоединенной к телефонной линии. Аппарат по-слухно и без всякого шума набрал номер полиции и автоматически стал повторять записанные на пленку сообщения: «Грабители в доме № 250 по Линкольн-стрит, «Грабители в доме № 250 по Линкольн-стрит»».

Пребывая все еще словно в тумане, Джон побрелся, оделся и спустился вниз позвонить добравшемуся.

Протянув кусок мяса, он, забывшись, сказал: «Взять!» Собака послушно рванула его за руку. Джон Брайен еще не державшая руку, когда два полненьких, явившиеся по вызову дистанционной тревоги, забрали его в выходную дверь. Широко раскрыв рты, Джон ухватился отпрыгнуть три замка на двери, но при этом в спешке уронил себе на ногу самодурную стальную накладку от запора. Изменившись перед полочкой за локонным вывоз, он, прихрамывая, вернулся в комнату, надел пальто, проверил на всякий случай, с собой ли карманный разбрызгиватель слезоточивой жидкости для защиты от грабителей, запер двери на несколько замков и направился к автобусной остановке.

Джон уже был готов сесть в авто-

бус, когда обнаружил, что у него нет мелочи, а лишь десятка. «А ну-ка ты, Мак, сойди!», — приказал ему водитель. Неплуганные ростом ограбленный автобус, гордские жалкие ввали систему точной, без сдачи оплаты за проезд.

В отчаянии Джон сошел с автобуса и обратился к молодой женщине с просьбой разменять деньги.

— Иссэ, — начала он, — не могли бы вы...

Та встретил его выстрелом из пистолета со срезоточным газом. Клубы газа и красноты окутали его. Ослопленный, задымленный, в полюбиморочном состоянии, Джон сошел на мостовую и окликая такси.

Усевшись, он еще продолжал проклинать глаза, когда услышал характерный звук защелки. Вперед, упрямый вулкенопробиваемым шитом из прозрачного пластика, танкис запер на автоматический замок заднюю дверь, чтобы не дать возможности пассажиру выйти из машины, не заплатив деньги.

В полдень Джон вышел из своей конторы и отправился в магазин, чтобы купить подарок ко дню рождения своей возлюбленной. Несколькими днями назад он выскочил в одном из соседних универсамов подождавшему — работающую от батарей запертую ширину, сконструированную так, чтобы ее было трудно вскрыть дамской сумочке. Он вытщаче некую

ваую книжку, чтобы уплатить за эту штуку, и терпеливо ждал, пока новенькая продавщица разгадывала, каким образом действовать скрытой камерой, которая фотографировала каждого попутателя, расплачивающегося чеками. На свою беду, она заварила попку, забыла предварительно оторвать бирки. Одна бирка была запечатана особой обложкой, излучающей радиацию, от которой сработывал сигнал звуковой тревоги при выходе из магазина. Джон не успел перешагнуть порог, как его окружили Диртвиль.

К тому времени, когда разстроены и запечатана продавщица признала свою ошибку, а давщие каменные взгляды сминков заменились смущенными улыбками, Джон решил, что на сегодня с него хватит.

Излученный донелся, с нервами, вымотанным до предела, он шел домой, тщательно сторонясь темных переулков и подъездов домов. Он чуть дольше обычного задержался, когда открыл запертую на три замка квартиру донора, но эта задержка оказалась роковой. Проще чем он успел прошагнуть внутрь своей городской крепости, три грабителя, подстерженные в кустовом, ослободили его от булавки, часов и кулупного подарка — защитной сирены. Затем для профилактики обдали его струей злоумышленника из его собственного карманного разбрызгивателя.



аксвала сразу узнал этот аппарат. Автоматический переводчик, с помощью которого он читал на хрустальной планете металлические листы! Он поднял аппарат и извлек его на экраны. Вот листы, оказывающиеся голому, с генератором энергии сзади и очки, которые нужно опустить на глаза, когда аппарат идет.

Наверное, он случайно спугнул его в чемодане, решил Максвелл, хотя как это могло произойти? Но же теперь делать? А этого, это, пожалуй, и не надо. Аппарат еще может пригодиться в будущем, а качество доказательства, что он действительно побывал на этой планете. Правда, такое уж уж хорошее это доказательство? По являющему особенного. Однако, если залезнуть в механизм, найдем на себе, эта штука, вероятно, не покажется такой уж обязательной.

Раздался легкий стук в дверь, и Максвелл, вздрогнув, начал напряженно прислушиваться. Возможно, репортерам наконец удалось его выследить. Но будут они только премоагать, что он может быть здесь? В таком случае лучше не откликаться. Однако даже один репортер стучал бы куда громче и увереннее. А этот стук был тихим, почти робким, словно тот, кто был за дверью, чего-то опасался или стеснялся. Ну, а если это все-таки репортеры, молча выждать вет никакого смысла: дверь открыта, и не получив ответа, они наверняка толкнут ее и войдут без приглашения.

Стук на мгновение замер, затем раздался снова. Максвелл на цыпочках подошел к двери и распахнул ее. Снаружи стоял Краб, белая и лучшая заходящего солнца, точно привидение. Под одной из своих конечностей, которая в настоящий момент, по-видимому, играла роль руки, а не ноги, он держал большой пакет.

— Да введите же! — терпеливо сказал Максвелл. — Пока вас тут никто не увидит.

Краб вошел.

— Вам не нужны опасения, — заявил он, — касательно жетонов новостей. Я был осторожен, и я гадал. За мной никто не следит. У меня такой деловой вид, что за мной никогда не следят. Никто никогда не полагает, что я могу действовать сообразно с целью.

— Очень выгодная особенность, — заметил Максвелл. — Что-то вроде защитной окраски.

— Я появляюсь, — продолжал Краб, — вновь по указанию мисс Нэнси Клейтон. Она знает, что вы ездите в путешествие без багажа и не можете случаи сделать покупки вам стирку. Без жетонов причинить обиду — это мне указало сказать с отменным чувством, — но она желает прислать вам костюм для новшества.

Он шагнул сверток из-под конечностей и протянул его Максвеллу.

— Очень любезно со стороны Нэнси.

— Она заботливое лицо. Она поручила мне сказать далее.

— Валентин!

— Кошачий книжка прибудет ответить вас к ее дому.

— Зачем? — удивился Максвелл. — Шоссе проходит совсем рядом с ним.

— Еще одно заявление, — твердо объявила Краб, — но она считает, что нужно так. Очень много типов разных species спугнут там и сам, чтобы узнать место, где вы есть.

— Кстати, — сказала Максвелл, — а откуда его узнала мисс Клейтон?

— Поистине, сие мне ведомо, — ответила Краб.

— Ну, хорошо. Поблагодарите от меня мисс Клейтон, пожалуйста.

— С удовольствием и удовольствием, — сказала Краб.

## 14

— Я подвожу вас к черному ходу, — объявила шофер. — Перед парадным кишка кишат репортеры. Потом они разойдутся, но сейчас выйдут там стоят. Мисс Клейтон думает, что вы, возможно, предостережете с ними не встречаться.

— Спасибо, — сказала Максвелл. — Вы очень предупредительны.

«Нэнси, — подумал он, — как обычно, все продумывает заранее, присылает себе приватного охранника, присылает себе приватного охранника».

Дом Нэнси стоял на невысоком берегу, над самым берегом озера. Слева от дороги в лучах недавно взходящего солнца поблескивала вода. Фасад дома был озарен множеством огней, но здания его стороны была погружена во мрак.

Машина свернула с подземной аллеи и начала медленно взбираться по узкой, крутой дорожке, окаймленной могучими дубами. Вступившая в тесноту с криком стремительно пронеслась у самых фор, отчаянно взмазывая крыльями. Откуда-то навстречу машине выжегали два разъяренных иса и помахивали по бокам, точно кошкой.

Шофер усмехнулся.

— Если бы вы знали песком, они сожрали бы вас заживо.

— Но с каких это пор Нэнси охотится собачья свора? — спросила Максвелл.

— Мисс Клейтон тут ни при чем, — ответил шофер. — Они охраняют совсем не ее.

# ЗАПОВЕДИ

Клиффорд САЙМАК

РОМАН





— Профессор Максвелл! — повторил голос. Я знаю, что вы в халле.

Максвелл отскочил безотчетный ужас, и он попытался отогнать его, но ужас не исчезал — он застался радом по мрамор, готовые вновь захватить его черной волной.

Максвелл попробовал заговорить, но не смог. Голос прозвучал.

— Я подожду вас здесь, профессор. Мне необходимо вступить с вами в контакт. Это столько же в ваших интересах, сколько в моих.

— Где вы? — спросил Максвелл.

— За дверью слева от вас.

— Я не вижу никакой двери.

Зарыв смысл истинно твердил Максвеллу: беги, немедленно беги. Поскорее выберись отсюда! Но он не мог бежать. У него не было сил. Да и куда? Назад по аркаду нельзя — там ждут собаки. Вперед по темному коридору? Спринклерная вода на стенах плывет, подминая оплывающий протек, что бы ни происходило, собаки сюда и обнаружат его — распространено, в синяках. Дрожание от страха?

Он знал, что стоит ему кинуться бежать, и им сразу же овладеет сильная паника. Чтобы его увидели в подобном состоянии? Нет! Хватит и того, что он протек в дом угрозкой с черной гола.

Голос производал какое-то жуткое впечатление на немца на интонацию монотонной, механической, словно скрежещущей! Ни один человек так говорить не может, речла Максвелл. Где-то рядом с ним в темноте притаился выжидающий.

— Тут есть дверь, — прозвучал этот лустой жесткий голос. — Сделайте шаг влево и тоакините ее.

Положение становится просто смешным, плауама Максвелл. Либо он войдет в эту дверь, либо опротекут бросится прочь. Конечно, можно было бы спокойно уйти, но он знал, что стоит ему повернуться спиной к невидимой двери, и он победит — против воли, гонимый ужасом, маячащим позади.

Максвелл сделал шаг влево, напущала дверь и толкнул ее. В комнате было темно, но в окна прорывались свет фонари снаружи и падал на плутикообразное существо в центре комнаты — ошавища живот слабо флуоресцировала, словно клубок свитичищих обитателей морского дна копошился в круглом аквариуме.

— Да, — сказала существо, — вы совершенно правы. Я принадлежу к тем жителям Вселенной, которые вы именуете «коллексианам». На время моего визита сюда и обавался наименованием, которое легко воспринимается вашими сознаниями. Вы можете называть меня мистер Мармаддок. Не сомневайтесь, вы понимаете, что это лишь удобства, так как я и не нопу подобного имени. Собственно говоря, у вас нет имен. Они извальные. Наше индивидуальное различие достигается иными способами.

— Рад познакомиться с вами, мистер Мармаддок, — сказал Максвелл, прозвучало слово медленно и раздельно, потому что губы у него тоже вдруг стали

холодными и непослушными, как и все его тело.

— А я ем профессор.

— Как вы узнали, кто я такой? — спросил Максвелл. — Вы, по видимому, были абсолютно в этом уверены. Значит, вам было известно, что я побуду черной?

— Вы один из гостей. Нэнси? — спросил он.

— Теперь Максвелл мог лучше разглядеть своего странного собеседника — пухлое тело, вписанное между двумя колесами, копошащая масса в нижней половине, провислая шея.

— Вы один из гостей. Нэнси? — спросил он.

— Да, — ответила мистер Мармаддок. — Да, разумеется. Если не ошибюсь, почетный гость, ради которого она и устроила это собрание.

— Я согласен на усталость, — объяснил мистер Мармаддок. — Легкое укаменение от истины, приваждение к вам, никогда не устаю. И вот я усталость отдохнуть.

— И дожидаетесь меня?

— Вот именно, — сказала мистер Мармаддок. «Нэнси» — плауама Максвелл. — Нет! Нэнси, конечно, тут ни при чем. Она слишком атрофическая, на слишком погнотаена своими бесконечными знаниями вечерами и совершенно не способна на интриги.

— Мы могли бы обсудить некую тему, — сказала мистер Мармаддок. — Ко взаимной выгоде, как я полагаю. Вы, если не ошибюсь, ищите покупателя для некоего движимого имущества. Не исключено, что вы можете получить от меня представление некоторый интерес для себя.

Максвелл отступил на шаг, стараясь найти какой-нибудь ответ. Но ему ничего не приходило в голову. А ведь он мог бы знать! Мог бы догадаться, как тот бы заподозрил!

— Вы ничего не отвечаете, — сказала мистер Мармаддок. — Но я не мог ошибиться. Вы действительно поспешили по этой проблеме и здесь нет ничего недоуменного.

— Да, — сказала Максвелл. — Да, я поспешил.

Он знал, что заглядывать нет смысла. Каким-то образом это существо на колесах проведло проделывая, как будто бы, что-то совершенно извальные задания так знания. И, возможно, ему известна информация о том, как он мог бы заподозрил!

— В таком случае, — сказала мистер Мармаддок, — безусловно, немедленно приступите к переговорам и обсудите условия. Не забыл при этом упомянуть и приважающиеся вам комиссионные.

— Боюсь, — сказала Максвелл, — в настоящее время я не способен на это. Я не знаю, что предложить. Видите ли, сначала я должен был найти потенциального покупателя, а уж потом...

— Это не составляет ни малейшего затруднения, — объяснил коллексиан. Ибо у меня есть сведения, которые не располагают вас. Мне известны условия продажи.

— И вы готовы заплатить требуемую цену?

— О, безусловно, — сказала коллексиан. — На это просто потребуется некоторое время, весьма незначительное. Необходимо завершить некую коммерческую операцию. По ее заключении мы с вами сможем довести наше дело до конца без шума и пыли. Естественно, что еще желательно бы установить, как мне представляется, эти размеры комиссионных, которые вы заслужили.

— Я полагаю, — растерянно прозвучал Максвелл, — они должны быть неадекватными.

— Мы намерены, — заявила мистер Мармаддок, — назначить вас «билбоптекарем» при том движимом имуществе, которое мы приобретаем. Предстоит большая работа разборки и категоризации указанного имущества. Для этого нам необходимо существо, подобное вам, и мне представляется, что ваши обязанности будут для вас весьма интересными. А что до жалования, профессор Максвелл, мы поладим просим вас самого назвать сумму, а также и остальные условия, на которых вы согласитесь взять эту должность.

— Мне нужно все это озвучить.

— О, разумеется, разумеется! — прозвучал мистер Мармаддок. — В делах такого рода небольшое размыливание бывает полезным. Вы найдете нас склонными к самой неограниченной щедрости.

— Вы меня не подкажете, — сказала Максвелл. — Мне нужно будет поговорить о самой продаже. Согу ли я возможным ее устроить.

— Бить может, вы совмещаете в том, достойны ли вы приобрести указанное движимое имущество?

— И то тоже, — сказал Максвелл.

— Профессор Максвелл, — заявила коллексиан, — для вас будет чрезвычайно лучше, если мы сформируем свой советник. Ибо мы пользы решимости получить то, что вы можете предложить. А потому вы должны охотно вступить переговоров с нами.

— Хочу я того или нет? — осведомился Максвелл.

— Я, — сказала мистер Мармаддок, — не стал бы выражаться столь припоминовенно.

— Ваше предложение не дает вам основания пускаться в ход подобной логики, — заметил Максвелл. — Вы не имеете представления о том, какое мы занимаем положение, — сказала коллексиан. — Ваши сведения ограничиваются определенными пределами космоса. И вы не можете знать, что лежит за этими пределами.

В этих словах, в том, как они были произнесены, было что-то такое, от чего по спине Максвелла пробежала холодная дрожь, словно в комнату ворвался ледяной ветер, примешавшийся из невдалеке таулин Вселенной.

Ваши сведения ограничиваются определенными пределами космоса, сказала мистер Мармаддок. — Но что лежит за этим пределами? Никуда ничего не знаешь? — было так, что в некоторых областях по ту сторону звездных границ, за которую еще не провиляли разведчики человечества, коллексиан создали империи.

Контракты с коллексианам были редкими и мимолетными, и о них не было известно почти ничего — это само по себе уже не обещало ничего хорошего. Никто не протряпывал дружеских рук, никто не делал ставок, никто не участвовал в морской воле — ни коллексиан, ни людей. В огромном секторе космического пространства пролегла безмятежная, утраченная граница, которую не пересекали ни ты, ни другие стороны.

— Вы можете бы легче принять решение, — сказала Максвелл, — если бы мои сведения были более подробными, если бы мы могли узнать о вас больше.

— Вы знаете, что мы «стараксиан», — заявила мистер Мармаддок, и слова эти буквально брызнули из его рта. — Ваша нетерпимость.

— Вы все знаете, — негодуяко перебила Максвелл. — И мы не считаем вас «стараксианом». Мне известно, что вы являетесь конгломератом, как мы это обозначаем. Мы знаем, что каждый из вас является колониальной сущностью, сходных с теми, которых мы здесь на Земле называем «коллексианам». Но вы не можете составить значительное различие между нами, и все же вы отличаетесь от нас не только, как многие другие существа с иных звезд. Слово «нетерпимость» мне не нравится, мистер Мармаддок, так как оно подразумевает «нетерпимость», а это оскорбительно и для вас, и для меня, и для любого другого существа во Вселенной.

— Вы ведете спор убоженно и любезно, — сказала мистер Мармаддок. — И, возможно, вы не нетерпимы.

— Если бы нетерпимость и существовала, — не дал ему докончить Максвелл, — не понимаю, почему мы не могли бы продолжать вести переговоры. Ваше подобие чувства бросает тень не на то, против кого оно направлено, а на то, кто его испытывает, поскольку он демонстрирует не только несправедливость, но и глубокое невежество. Нет ничего таулер нетерпимости.

— Мы слишком долго говорим, — объявила мистер Мармаддок. — И без всякого смысла. Я вижу, что у вас нет намерения устроить нам это предложение.

— Вот именно, — ответила Максвелл. — По крайней мере в настоящий момент.

— В таком случае, — сказала мистер Мармаддок, — вы видите, что я должен буду прекратить вы принужден нам значительные хлопоты и потерю времени, и мы будем вам весьма благодарны.

— Мы почему-то кажемся, — сообщила ему Максвелл, — что я как-нибудь старпелу вашу благодарность.

— Быть на стороне победителей, милостивый государь, — угрожающе прозвучал мистер Мармаддок, — это немалое преимущество.

Мистер Мармаддок вынул из своего рта большее и быстрее. Уголок глаза он уловил блеск оскаленных зубов и стремительный взлет пошлого корячьего тела.

— Сильвер, не надо! — вскрикнул Максвелл.

— Не трогай его, Сильвестр!

Мистер Мармаддок не растерялся. Его клепа бешено закрутились, и локво обогнул притянутого Сильвер, оторвал и выкинул с двери. Котти Сильвестра парашутом о полнаницы, и он извернулся спиралью.

Максвелл кинулся в сторону от мчавшегося прямо на него коллексиана. Он вползло вперед, влоз по его за плечом, и встал у стены. Мистер Мармаддок молнией выскочил за дверь. За ним метнулось длинное гибкое тело — казалось, Сильвестр агит по волочку, не касаясь земли.

— Сильвер, не надо! — вопил Максвелл, бросаясь всад за типтерком.

В дальнем конце холла мистер Мармаддок круто свернул влево, и Сильвестр, совсем уже было



Рисунок Геннадия НОВОНИЛОВА







— А существа на переднем плане? Они ведь совсем другие.

— Другое? По сравнению с кем?

— Нет, никак, обычно я писал Ламберт.

— Вот не знала,— заметила Крова,— что вы специалист по Амбергу.

— А я и не специалист. Просто сегодня утром, когда я узнал про этот знаменитый и про картину, которой обвешаны Ниски, я пошел в библиотеку, чтобы сделать репертуарный список.

— Но даже если они и другие, так что? — спросила Крова.— Художник же имеет право писать все, что ему вздумается.

— Совершенно верно. Но речь не о том. Ведь на картине изображена Земля. То есть, если это действительно Амберг, нам и сомневаться не значит, на ней должна быть изображена Земля. Но не наша Земля, не та, которую мы знаем, а Земля, какой она была в юрский период.

— Но если вы правы,— возразила Крова,— как он тогда попал? Конечно, присутствуют Глобала да его картины обвешаны трущоб, однако...

— Нет, я имел в виду то, о чем постоянно твердит Он,— сказала Максвелла.— Он привнес из своих неадекватных дней воспоминание о тобуках, о том, что было и прощало обитателей эпохи. Но он говорил, что был и какие-то другие. И они были несравненно хуже. Неадекватный смертельно их боялся.

— И вы думаете, что на картине есть и они? Те, кого упоминал Он?

— Да, мне пришлось в голову как раз это,— признала Максвелла.— Может быть, Ниски не видел возражек, если я завтра приведу Она взглянуть на картину.

— Наверное, не будет,— сказала Крова.— Но это и не обязательно. Я сфотографировала картину.

— Как же?

— Конечно, я знаю, что так делать не полагается. Но я попросила разрешения у Ниски, и она сказала, что ничего не имеет против. Если вы хотите, чтобы я показала снимки Ону, то мне поручили. Так вот, я сейчас расскажу вам, что я реально не хотела рассказывать мне, что у вас произошло с колесником?

— Потом,— уклончиво сказала он.— Не сейчас. Позже.

Они вышли из-за вазы и пошел черед за А. Деваль, лапуру меж двумя породами группами посты.

— Надо бы размыкать Ниски,— заметила Крова,— и поспрашивать с ней.

— Как-нибудь в другой раз,— сказал Максвелла.— Мы найдем им позитивное.

Они закрылись за дверью, и начали спускаться по широкому полукруглым ступеням, которые зачищались у самого шоссе.

— Профессор Максвелла,— крикнул кто-то.

Максвелла оглянулась. К ним по лестнице бежала Черчала.

— Можно вас на минутку, Максвелла? — сказала он.

— Да. Так что же вам нужно, Черчала?

— Поговорить с вами. И вначале, с разрешения вашей мамы.

— Я подожду вас у шоссе,— сказала Крова Максвелла.

— Не нужно,— возразил Максвелла.— Я разделаюсь с ним в два счета.

— Нет,— твердо сказала Крова.— Я подожду. И рад бога, без бурных эмоций.

Максвелла остановилась, и Черчала, слегка захихавшись, ухватила его за локоток.

— Ты слышишь, мама! Случай полагать к вам. Но мы ни на минуту не оставались в одиночестве.

— Что вам нужно? — резко спросил Максвелла.

— Колесник! — сказал Черчала.— Пожалуйста, забудьте о вашей ниске беседе. Он не знает наших обычаев. Я не знала о его намерениях. Боюсь того: я его прямо предубуду...

— То есть вы знали, что колесник устроит на меня засаду?

— Я отговариваю его! — возмущенно заявила Черчала.— Я прямо сказала, чтобы он оставил вас в покое. Мне очень жаль, профессор Максвелла. Поверьте, я сделала все, что было в моих силах!

Максвелла, поднялась правой рукой в рубашку Черчала, собрала ее в комки и подтянула юристка к себе.

— А так, значит, это вы присуждаете колеснику — крикнул он.— Его ширма! Он выведет переводчика о покушке Аргетта, чтобы его залучили колесник!

— Он не нарушит никаких законов,— злобно сказала Черчала.— Он имеет право покупать все, что ему угодно.

— А вы имеете право пообщаться ему,— прошипела Максвелла.— Хотите прямо состоите у него на жалованье. Но осторожно выбирайте способы, как это жалованье отработывать! И не попадайтесь на мои дорожки!

Резким движением он оттолкнул Черчала. Тот момент, потеря равновесия и повалился по широкому ступеням. Кое-как задержав свое падение, он не встал и продолжал лежать, раскинув руки.

— Надо было сбросить вас с лестницы так, чтобы вы с легкостью свою потонули шею! — крикнул Максвелла.

Он повернулся на каблуках и зашагал по ступеням.

Внизу Крова мертвой хваткой вцепилась в разъяренного тигренка.

— Я думала, он вот-вот вырвется и растерзает этого субъекта в клочья,— задыхаясь, проформальна она и поспорола на Максвелла с плеча своим высшим отращиванием.— Неужели вы ни с кем не можете разойтись мирно?

Под редакцией мастера Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

ОНА ИДЕТ СОВЕРШЕННО

Не только у мужчин, но и у женщин... В будущем соревнуются претенденты на мировое шахматное первенство... метать, что сейчас в пяти... шахматистки, включая чемпионку мира, четверо — это наши соотечественницы... лишь одна — зарубежница. А после... арены борьбы за женскую шахматную корону... только представительница СССР.



в случае вехтия белого короля... сразу же отменяется... сохладна оговарива угрозы... 17. f4-f5-c6 f8-f8 18. e5-f6 f6-f6 19. a2-a3 f7-f7-c7 20. f4-f4 21. Kc5-c5 22. f4-f4-h4. Приятно наблюдать за тем, как непростое, многоходовое действие... Нана в атаку атаку. 21. f4-f4-c5 f4-f4 22. f4-f4-h4 23. f4-f4-h4 24. f4-f4-h4 25. f4-f4-h4 26. f4-f4-h4 27. f4-f4-h4 28. f4-f4-h4 29. f4-f4-h4 30. f4-f4-h4 31. f4-f4-h4 32. f4-f4-h4 33. f4-f4-h4 34. f4-f4-h4 35. f4-f4-h4 36. f4-f4-h4 37. f4-f4-h4 38. f4-f4-h4 39. f4-f4-h4 40. f4-f4-h4 41. f4-f4-h4 42. f4-f4-h4 43. f4-f4-h4 44. f4-f4-h4 45. f4-f4-h4 46. f4-f4-h4 47. f4-f4-h4 48. f4-f4-h4 49. f4-f4-h4 50. f4-f4-h4 51. f4-f4-h4 52. f4-f4-h4 53. f4-f4-h4 54. f4-f4-h4 55. f4-f4-h4 56. f4-f4-h4 57. f4-f4-h4 58. f4-f4-h4 59. f4-f4-h4 60. f4-f4-h4 61. f4-f4-h4 62. f4-f4-h4 63. f4-f4-h4 64. f4-f4-h4 65. f4-f4-h4 66. f4-f4-h4 67. f4-f4-h4 68. f4-f4-h4 69. f4-f4-h4 70. f4-f4-h4 71. f4-f4-h4 72. f4-f4-h4 73. f4-f4-h4 74. f4-f4-h4 75. f4-f4-h4 76. f4-f4-h4 77. f4-f4-h4 78. f4-f4-h4 79. f4-f4-h4 80. f4-f4-h4 81. f4-f4-h4 82. f4-f4-h4 83. f4-f4-h4 84. f4-f4-h4 85. f4-f4-h4 86. f4-f4-h4 87. f4-f4-h4 88. f4-f4-h4 89. f4-f4-h4 90. f4-f4-h4 91. f4-f4-h4 92. f4-f4-h4 93. f4-f4-h4 94. f4-f4-h4 95. f4-f4-h4 96. f4-f4-h4 97. f4-f4-h4 98. f4-f4-h4 99. f4-f4-h4 100. f4-f4-h4

Минске, чемпионка СССР... несла поражение банине... номиналх красная королева... 1. f4-f4-c4 2. f4-f4-c4 3. f4-f4-c4 4. f4-f4-c4 5. f4-f4-c4 6. f4-f4-c4 7. f4-f4-c4 8. f4-f4-c4 9. f4-f4-c4 10. f4-f4-c4 11. f4-f4-c4 12. f4-f4-c4 13. f4-f4-c4 14. f4-f4-c4 15. f4-f4-c4 16. f4-f4-c4 17. f4-f4-c4 18. f4-f4-c4 19. f4-f4-c4 20. f4-f4-c4 21. f4-f4-c4 22. f4-f4-c4 23. f4-f4-c4 24. f4-f4-c4 25. f4-f4-c4 26. f4-f4-c4 27. f4-f4-c4 28. f4-f4-c4 29. f4-f4-c4 30. f4-f4-c4 31. f4-f4-c4 32. f4-f4-c4 33. f4-f4-c4 34. f4-f4-c4 35. f4-f4-c4 36. f4-f4-c4 37. f4-f4-c4 38. f4-f4-c4 39. f4-f4-c4 40. f4-f4-c4 41. f4-f4-c4 42. f4-f4-c4 43. f4-f4-c4 44. f4-f4-c4 45. f4-f4-c4 46. f4-f4-c4 47. f4-f4-c4 48. f4-f4-c4 49. f4-f4-c4 50. f4-f4-c4 51. f4-f4-c4 52. f4-f4-c4 53. f4-f4-c4 54. f4-f4-c4 55. f4-f4-c4 56. f4-f4-c4 57. f4-f4-c4 58. f4-f4-c4 59. f4-f4-c4 60. f4-f4-c4 61. f4-f4-c4 62. f4-f4-c4 63. f4-f4-c4 64. f4-f4-c4 65. f4-f4-c4 66. f4-f4-c4 67. f4-f4-c4 68. f4-f4-c4 69. f4-f4-c4 70. f4-f4-c4 71. f4-f4-c4 72. f4-f4-c4 73. f4-f4-c4 74. f4-f4-c4 75. f4-f4-c4 76. f4-f4-c4 77. f4-f4-c4 78. f4-f4-c4 79. f4-f4-c4 80. f4-f4-c4 81. f4-f4-c4 82. f4-f4-c4 83. f4-f4-c4 84. f4-f4-c4 85. f4-f4-c4 86. f4-f4-c4 87. f4-f4-c4 88. f4-f4-c4 89. f4-f4-c4 90. f4-f4-c4 91. f4-f4-c4 92. f4-f4-c4 93. f4-f4-c4 94. f4-f4-c4 95. f4-f4-c4 96. f4-f4-c4 97. f4-f4-c4 98. f4-f4-c4 99. f4-f4-c4 100. f4-f4-c4



Это положение фигур... 1. f4-f4-c4 2. f4-f4-c4 3. f4-f4-c4 4. f4-f4-c4 5. f4-f4-c4 6. f4-f4-c4 7. f4-f4-c4 8. f4-f4-c4 9. f4-f4-c4 10. f4-f4-c4 11. f4-f4-c4 12. f4-f4-c4 13. f4-f4-c4 14. f4-f4-c4 15. f4-f4-c4 16. f4-f4-c4 17. f4-f4-c4 18. f4-f4-c4 19. f4-f4-c4 20. f4-f4-c4 21. f4-f4-c4 22. f4-f4-c4 23. f4-f4-c4 24. f4-f4-c4 25. f4-f4-c4 26. f4-f4-c4 27. f4-f4-c4 28. f4-f4-c4 29. f4-f4-c4 30. f4-f4-c4 31. f4-f4-c4 32. f4-f4-c4 33. f4-f4-c4 34. f4-f4-c4 35. f4-f4-c4 36. f4-f4-c4 37. f4-f4-c4 38. f4-f4-c4 39. f4-f4-c4 40. f4-f4-c4 41. f4-f4-c4 42. f4-f4-c4 43. f4-f4-c4 44. f4-f4-c4 45. f4-f4-c4 46. f4-f4-c4 47. f4-f4-c4 48. f4-f4-c4 49. f4-f4-c4 50. f4-f4-c4 51. f4-f4-c4 52. f4-f4-c4 53. f4-f4-c4 54. f4-f4-c4 55. f4-f4-c4 56. f4-f4-c4 57. f4-f4-c4 58. f4-f4-c4 59. f4-f4-c4 60. f4-f4-c4 61. f4-f4-c4 62. f4-f4-c4 63. f4-f4-c4 64. f4-f4-c4 65. f4-f4-c4 66. f4-f4-c4 67. f4-f4-c4 68. f4-f4-c4 69. f4-f4-c4 70. f4-f4-c4 71. f4-f4-c4 72. f4-f4-c4 73. f4-f4-c4 74. f4-f4-c4 75. f4-f4-c4 76. f4-f4-c4 77. f4-f4-c4 78. f4-f4-c4 79. f4-f4-c4 80. f4-f4-c4 81. f4-f4-c4 82. f4-f4-c4 83. f4-f4-c4 84. f4-f4-c4 85. f4-f4-c4 86. f4-f4-c4 87. f4-f4-c4 88. f4-f4-c4 89. f4-f4-c4 90. f4-f4-c4 91. f4-f4-c4 92. f4-f4-c4 93. f4-f4-c4 94. f4-f4-c4 95. f4-f4-c4 96. f4-f4-c4 97. f4-f4-c4 98. f4-f4-c4 99. f4-f4-c4 100. f4-f4-c4

по пешнику компенсации... 1. f4-f4-c4 2. f4-f4-c4 3. f4-f4-c4 4. f4-f4-c4 5. f4-f4-c4 6. f4-f4-c4 7. f4-f4-c4 8. f4-f4-c4 9. f4-f4-c4 10. f4-f4-c4 11. f4-f4-c4 12. f4-f4-c4 13. f4-f4-c4 14. f4-f4-c4 15. f4-f4-c4 16. f4-f4-c4 17. f4-f4-c4 18. f4-f4-c4 19. f4-f4-c4 20. f4-f4-c4 21. f4-f4-c4 22. f4-f4-c4 23. f4-f4-c4 24. f4-f4-c4 25. f4-f4-c4 26. f4-f4-c4 27. f4-f4-c4 28. f4-f4-c4 29. f4-f4-c4 30. f4-f4-c4 31. f4-f4-c4 32. f4-f4-c4 33. f4-f4-c4 34. f4-f4-c4 35. f4-f4-c4 36. f4-f4-c4 37. f4-f4-c4 38. f4-f4-c4 39. f4-f4-c4 40. f4-f4-c4 41. f4-f4-c4 42. f4-f4-c4 43. f4-f4-c4 44. f4-f4-c4 45. f4-f4-c4 46. f4-f4-c4 47. f4-f4-c4 48. f4-f4-c4 49. f4-f4-c4 50. f4-f4-c4 51. f4-f4-c4 52. f4-f4-c4 53. f4-f4-c4 54. f4-f4-c4 55. f4-f4-c4 56. f4-f4-c4 57. f4-f4-c4 58. f4-f4-c4 59. f4-f4-c4 60. f4-f4-c4 61. f4-f4-c4 62. f4-f4-c4 63. f4-f4-c4 64. f4-f4-c4 65. f4-f4-c4 66. f4-f4-c4 67. f4-f4-c4 68. f4-f4-c4 69. f4-f4-c4 70. f4-f4-c4 71. f4-f4-c4 72. f4-f4-c4 73. f4-f4-c4 74. f4-f4-c4 75. f4-f4-c4 76. f4-f4-c4 77. f4-f4-c4 78. f4-f4-c4 79. f4-f4-c4 80. f4-f4-c4 81. f4-f4-c4 82. f4-f4-c4 83. f4-f4-c4 84. f4-f4-c4 85. f4-f4-c4 86. f4-f4-c4 87. f4-f4-c4 88. f4-f4-c4 89. f4-f4-c4 90. f4-f4-c4 91. f4-f4-c4 92. f4-f4-c4 93. f4-f4-c4 94. f4-f4-c4 95. f4-f4-c4 96. f4-f4-c4 97. f4-f4-c4 98. f4-f4-c4 99. f4-f4-c4 100. f4-f4-c4

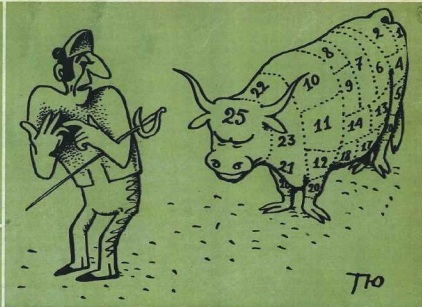


1. f4-f4-c4 2. f4-f4-c4 3. f4-f4-c4 4. f4-f4-c4 5. f4-f4-c4 6. f4-f4-c4 7. f4-f4-c4 8. f4-f4-c4 9. f4-f4-c4 10. f4-f4-c4 11. f4-f4-c4 12. f4-f4-c4 13. f4-f4-c4 14. f4-f4-c4 15. f4-f4-c4 16. f4-f4-c4 17. f4-f4-c4 18. f4-f4-c4 19. f4-f4-c4 20. f4-f4-c4 21. f4-f4-c4 22. f4-f4-c4 23. f4-f4-c4 24. f4-f4-c4 25. f4-f4-c4 26. f4-f4-c4 27. f4-f4-c4 28. f4-f4-c4 29. f4-f4-c4 30. f4-f4-c4 31. f4-f4-c4 32. f4-f4-c4 33. f4-f4-c4 34. f4-f4-c4 35. f4-f4-c4 36. f4-f4-c4 37. f4-f4-c4 38. f4-f4-c4 39. f4-f4-c4 40. f4-f4-c4 41. f4-f4-c4 42. f4-f4-c4 43. f4-f4-c4 44. f4-f4-c4 45. f4-f4-c4 46. f4-f4-c4 47. f4-f4-c4 48. f4-f4-c4 49. f4-f4-c4 50. f4-f4-c4 51. f4-f4-c4 52. f4-f4-c4 53. f4-f4-c4 54. f4-f4-c4 55. f4-f4-c4 56. f4-f4-c4 57. f4-f4-c4 58. f4-f4-c4 59. f4-f4-c4 60. f4-f4-c4 61. f4-f4-c4 62. f4-f4-c4 63. f4-f4-c4 64. f4-f4-c4 65. f4-f4-c4 66. f4-f4-c4 67. f4-f4-c4 68. f4-f4-c4 69. f4-f4-c4 70. f4-f4-c4 71. f4-f4-c4 72. f4-f4-c4 73. f4-f4-c4 74. f4-f4-c4 75. f4-f4-c4 76. f4-f4-c4 77. f4-f4-c4 78. f4-f4-c4 79. f4-f4-c4 80. f4-f4-c4 81. f4-f4-c4 82. f4-f4-c4 83. f4-f4-c4 84. f4-f4-c4 85. f4-f4-c4 86. f4-f4-c4 87. f4-f4-c4 88. f4-f4-c4 89. f4-f4-c4 90. f4-f4-c4 91. f4-f4-c4 92. f4-f4-c4 93. f4-f4-c4 94. f4-f4-c4 95. f4-f4-c4 96. f4-f4-c4 97. f4-f4-c4 98. f4-f4-c4 99. f4-f4-c4 100. f4-f4-c4

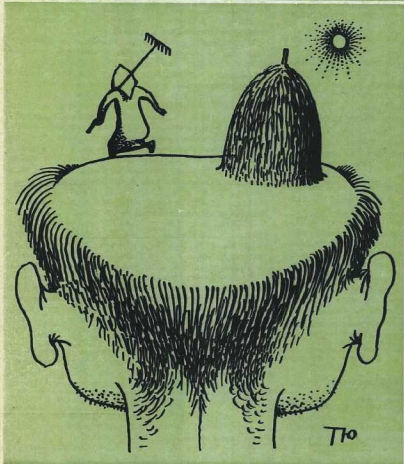
Финальные единоборства... 1. f4-f4-c4 2. f4-f4-c4 3. f4-f4-c4 4. f4-f4-c4 5. f4-f4-c4 6. f4-f4-c4 7. f4-f4-c4 8. f4-f4-c4 9. f4-f4-c4 10. f4-f4-c4 11. f4-f4-c4 12. f4-f4-c4 13. f4-f4-c4 14. f4-f4-c4 15. f4-f4-c4 16. f4-f4-c4 17. f4-f4-c4 18. f4-f4-c4 19. f4-f4-c4 20. f4-f4-c4 21. f4-f4-c4 22. f4-f4-c4 23. f4-f4-c4 24. f4-f4-c4 25. f4-f4-c4 26. f4-f4-c4 27. f4-f4-c4 28. f4-f4-c4 29. f4-f4-c4 30. f4-f4-c4 31. f4-f4-c4 32. f4-f4-c4 33. f4-f4-c4 34. f4-f4-c4 35. f4-f4-c4 36. f4-f4-c4 37. f4-f4-c4 38. f4-f4-c4 39. f4-f4-c4 40. f4-f4-c4 41. f4-f4-c4 42. f4-f4-c4 43. f4-f4-c4 44. f4-f4-c4 45. f4-f4-c4 46. f4-f4-c4 47. f4-f4-c4 48. f4-f4-c4 49. f4-f4-c4 50. f4-f4-c4 51. f4-f4-c4 52. f4-f4-c4 53. f4-f4-c4 54. f4-f4-c4 55. f4-f4-c4 56. f4-f4-c4 57. f4-f4-c4 58. f4-f4-c4 59. f4-f4-c4 60. f4-f4-c4 61. f4-f4-c4 62. f4-f4-c4 63. f4-f4-c4 64. f4-f4-c4 65. f4-f4-c4 66. f4-f4-c4 67. f4-f4-c4 68. f4-f4-c4 69. f4-f4-c4 70. f4-f4-c4 71. f4-f4-c4 72. f4-f4-c4 73. f4-f4-c4 74. f4-f4-c4 75. f4-f4-c4 76. f4-f4-c4 77. f4-f4-c4 78. f4-f4-c4 79. f4-f4-c4 80. f4-f4-c4 81. f4-f4-c4 82. f4-f4-c4 83. f4-f4-c4 84. f4-f4-c4 85. f4-f4-c4 86. f4-f4-c4 87. f4-f4-c4 88. f4-f4-c4 89. f4-f4-c4 90. f4-f4-c4 91. f4-f4-c4 92. f4-f4-c4 93. f4-f4-c4 94. f4-f4-c4 95. f4-f4-c4 96. f4-f4-c4 97. f4-f4-c4 98. f4-f4-c4 99. f4-f4-c4 100. f4-f4-c4



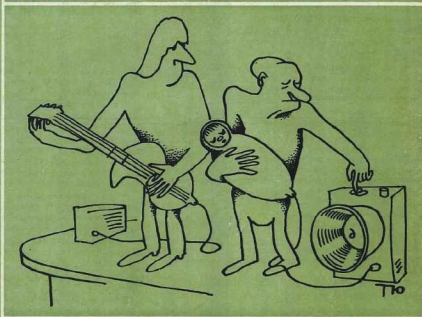
Почему треугольник... 1. f4-f4-c4 2. f4-f4-c4 3. f4-f4-c4 4. f4-f4-c4 5. f4-f4-c4 6. f4-f4-c4 7. f4-f4-c4 8. f4-f4-c4 9. f4-f4-c4 10. f4-f4-c4 11. f4-f4-c4 12. f4-f4-c4 13. f4-f4-c4 14. f4-f4-c4 15. f4-f4-c4 16. f4-f4-c4 17. f4-f4-c4 18. f4-f4-c4 19. f4-f4-c4 20. f4-f4-c4 21. f4-f4-c4 22. f4-f4-c4 23. f4-f4-c4 24. f4-f4-c4 25. f4-f4-c4 26. f4-f4-c4 27. f4-f4-c4 28. f4-f4-c4 29. f4-f4-c4 30. f4-f4-c4 31. f4-f4-c4 32. f4-f4-c4 33. f4-f4-c4 34. f4-f4-c4 35. f4-f4-c4 36. f4-f4-c4 37. f4-f4-c4 38. f4-f4-c4 39. f4-f4-c4 40. f4-f4-c4 41. f4-f4-c4 42. f4-f4-c4 43. f4-f4-c4 44. f4-f4-c4 45. f4-f4-c4 46. f4-f4-c4 47. f4-f4-c4 48. f4-f4-c4 49. f4-f4-c4 50. f4-f4-c4 51. f4-f4-c4 52. f4-f4-c4 53. f4-f4-c4 54. f4-f4-c4 55. f4-f4-c4 56. f4-f4-c4 57. f4-f4-c4 58. f4-f4-c4 59. f4-f4-c4 60. f4-f4-c4 61. f4-f4-c4 62. f4-f4-c4 63. f4-f4-c4 64. f4-f4-c4 65. f4-f4-c4 66. f4-f4-c4 67. f4-f4-c4 68. f4-f4-c4 69. f4-f4-c4 70. f4-f4-c4 71. f4-f4-c4 72. f4-f4-c4 73. f4-f4-c4 74. f4-f4-c4 75. f4-f4-c4 76. f4-f4-c4 77. f4-f4-c4 78. f4-f4-c4 79. f4-f4-c4 80. f4-f4-c4 81. f4-f4-c4 82. f4-f4-c4 83. f4-f4-c4 84. f4-f4-c4 85. f4-f4-c4 86. f4-f4-c4 87. f4-f4-c4 88. f4-f4-c4 89. f4-f4-c4 90. f4-f4-c4 91. f4-f4-c4 92. f4-f4-c4 93. f4-f4-c4 94. f4-f4-c4 95. f4-f4-c4 96. f4-f4-c4 97. f4-f4-c4 98. f4-f4-c4 99. f4-f4-c4 100. f4-f4-c4



ТЮ



ТЮ



ТЮ



ТЮ



ТЮ

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.  
ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 253-30-87

Славо в набор 24/IX 1971 г. А 01330. Подписано и печати 15/Х 1971 г. Формат бум. 70 x 108%.  
Усл. печ. д. 5,50. Уч.-изд. д. 11,55. Тираж 1 000 000 экз. Изд. № 2229. Заказ № 1973.  
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.  
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.



Музыка  
Михицы БОГОСЛОВСКОГО

Слова  
Михаила ТАНИЧА

(Песня из кинофильма  
«Дочь и ночь»)

Бывают в жизни дни  
Длинные в целый год,  
Сумасья — загадки  
За ближайший поворот.  
Обычный, как всегда,  
Приходит день в наш дом,  
А что за эти дни —  
Откроется потом.

Бывают в жизни дни  
Наморщенной дельцы,  
И только мы один  
Измерять их должны.  
Встречаем новый день  
На влесе золотом,  
А что за эти дни —  
Увидится потом.

Бывают в жизни дни  
Тревожные, как сна,  
И тупятся они  
От мира до войны.  
Возможно, мы с тобой  
Обратно не вернем,  
Но что за эти дни —  
Увидится потом.

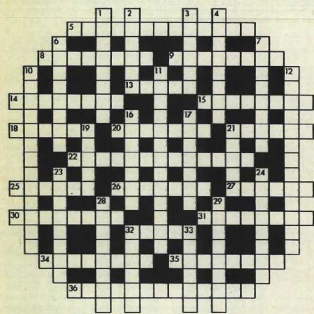
ОУБЕДЬ УВЕРЯЮ.



## КРОССВОРД

Составил В. ЕЗЕРЦЕВ, г. Калуга

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД  
НАПЕЧАТАНЫ В № 20



По горизонтали:

- Управление самолетом.
- Цитрусовое дерево.
- Выделение слога повышением тона.
- Рассказ И. Гоголя.
- Наука о строении животного организма.
- Сельскохозяйственная работа.
- Миниатюр и песни народного артиста СССР.
- Преобразование, переустройство.
- Страница с набранными текстом.
- Наука о структуре химических элементов, обладающих ковкостью.
- Государство, территория.
- Русский поэт.
- Цветок.
- Карнас железобетонных сооружений.
- Итальянский физиколог XVIII века.
- Спорное растение.
- Остров у побережья Австралии.
- Система гимнастических упражнений.
- Специалист по записи речи, музыки.

По вертикали:

- Органическое соединение, содержащее азот.
- Отпечаток.
- Персонаж оперы В. А. Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане».
- Мисское блюдо.
- Персонаж романа И. С. Тургенева «Дворянские гнезда».
- Литератор.
- Высшее учебное заведение.
- Строительство В. Маяковского.
- Разговор, обмен мнениями.
- Французский композитор XIX века.
- Гриб.
- Единица силы света.
- Способ, метод достижения цели.
- Графитовый стержень в оправе для рисования и письма.
- Представительница народа, населяющая Юго-Западную Америку.
- Опера Д. Верди.
- Итальянский порт на Адриатическом море.
- Устройство для измерения, контроля, управления.
- Естественная обстановка для киносъёмки.

По горизонтали:

- Капитан.
- Слабитель.
- Единорог.
- Адмирал.
- Амуз.
- Ассамблея.
- Вега.
- Фитюк.
- Полог.
- Коршун.
- Розкоя.
- Юрфу.
- Шоколад.
- Крест.
- Лавина.
- Азия.
- Дирингана.
- Мали.
- Оригинал.
- Кальтрапа.
- Бабадук.
- Сардина.

По вертикали:

- Аннушка.
- Аюд.
- Бурев.
- История.
- Секатор.
- Онтарио.
- Мидия.
- Помаранец.
- Полуостров.
- Болотов.
- Волопас.
- Волон.
- Экватор.
- Медведина.
- Скадрон.
- Анджиян.
- Гитара.
35. Пеликан.
- Рица.
40. Эгид.

5  
НА ДУХ  
МЫШЛИ  
Н/Б



1.

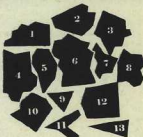
Найдите самый короткий путь, который ведет к центру лабиринта.

2.

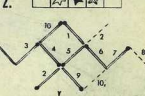
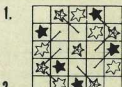
Найдите десять различий между этими рисунками.

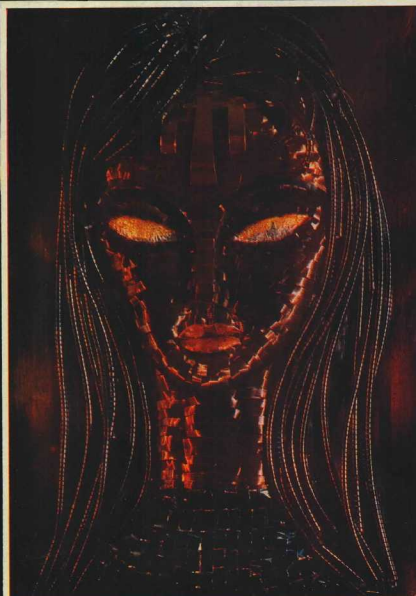
3.

Из 13 отрезков сложите прямоугольник.



ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧУ  
«СМЕНЫ» № 20





**В**алерий Лунашевский, как и каждый одаренный человек, не сразу нашел себя, свой почерк, свой материал в искусстве. Учился в художественно-промышленном училище — оставил училище. Плохо видели интерьеры, не было внутренней свободы и уверенности в себе. Стал стрителем. На время оставил перо и кисть ни грамма, ни ювелирский рисунок не удовлетворяли его. Но вот олимпиада — командировка на завод. Перед глазами пылающая в огне электросварки и солнечных лучей радуга. Она вознигла над горой стружек. Что-то шевельнулось в Валерии, что-то оставило его...

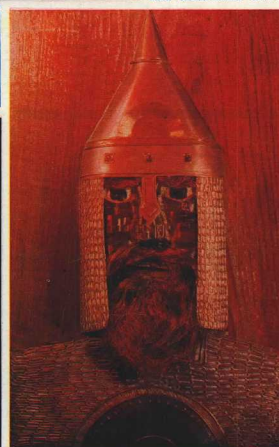
Нет, решительно невозможно теперь в точности восстановить, как это было. Как он вскоре вернулся на завод за теплым, только-только выравненным из-под реза металлом. Он нег гору стружек на вытнутых руках, и это было немилосердно торжественно и немилосердно забавно. Его фантазия рисовала мозаические панно. Объемы и

полуобъемы. Это не были плоскостные изображения. Это была плоть, живая, подлинная...

Замысел обрел форму — появились первые работы, под стать тем, что запечатлены здесь. Он отказался от монументального замысла ради своеобразной галереи титанов, птиц и зверей, пришедших из сказки, из русского народного былинного эпоса, чтобы под рукой художника прасформированный металл стал и строгим лицом воина, и жар-птицей, и гордо раскинувшим крылья орлом на дереве. Скажи, как это делается, и волшебство вроде бы пропадет: заострится, припаиваются и латуной или оловянной пластинкой ножки проволоки, гирлянды стружек. Титанический труд. Тысячи дисков тысяч проволок, металлических звитушек соединяются в одно целое — в образ, рожденный воображением, интуицией художника, его талантом импровизатора, пионерского металла...

Александр БОГУЧАРОВ.

# ЖИВОЙ



# МЕТАЛЛ



Цена номера 20 коп. Индекс 70820.